

Влад Поляков

Варяги

Стальная корона

Влад Поляков
Стальная корона
Серия «Варяги», книга 4
Серия «Ведунская серия (АСТ)»

PDF предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18308282

Влад Поляков. Варяги: Стальная корона: Издательство АСТ; М; 2016

ISBN 978-5-17-096321-8

Аннотация

Русь никогда не оставляют в покое ее враги. Особенно те, которые видят угрозу в самом ее существовании, а тем более в могуществе. И если не получается решить дело силой, то в ход идут интриги и заговоры. И вот оказавшийся в непривычной роли посредника-миротворца между Византией и Болгарией – князь Хальфдан Мрачный плывет в порубежный болгарский город Переяславец. Плывет, не зная, что намеченные переговоры – всего лишь часть интриги, корни которой опять идут в Рим, этот проклятый людьми и богами Вечный город.

Содержание

Влад Поляков	4
Пролог	6
Глава 1	25
Глава 2	50
Глава 3	68
Глава 4	87
Глава 5	102
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Влад Поляков

Варяги: Стальная корона

© Влад Поляков, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

С добрым утром, наместник Святого Петра!
Вы, я вижу, опять безнадежно упрямы.
Мне вливать философию зла и добра —
Все равно что сворачивать в терцию гамму.
Если выписать мне вид на жительство в ад,
К вам же черти сбегутся с болезненным лаем
И в слезах и соплях будут вас умолять:
«Заберите его, мы с ним жить не желаем!»

Гляньте свежим взглядом – ад мой с вами рядом,
Хоть дождем, хоть градом, гнев Господень падет на всех.
Те, кто жив остался, пьют яд Ренессанса,
Впору испугаться, слыша дьявола смех.

Вы писали недавно в каком-то письме,
Что давно переполнена чаша терпенья,
Что сожжете меня вы по этой весне —

Куклу будете жечь за меня неименем!
Если делать вам нечего, бедный мой друг,
Приезжайте ко мне, скрыв под масками лица,
В карнавальном огне, в наслаждении мук,
Знать, придется мне вас поучить веселиться!

Канцлер Ги

Пролог

Январь (просинец), 989 год. Рим

Джованни ди Галлина Альба, он же Папа Римский Иоанн XV, викарий Христа и хранитель ключей Собора святого Петра, пребывал не в самом спокойном состоянии души. Удивительного в этом ничего не было – обстоятельства складывались не самым лучшим образом. Нет, он не собирался гневить Бога напрасными жалобами, понимая, что многие из его планов увенчались успехом, другие были на пути к исполнению. И все ж хотелось большего! Только вот на дороге к этому «большему» порой становились люди, опрокинуть которых было сложно даже ему, наместнику Бога на Земле.

Если на пути возникают преграды, то надо либо искать обходные пути, либо сокрушать их. Самому или чужими руками – это не столь и важно. Вот потому он и вызвал из Франции одного из надежнейших своих помощников и сподвижников – аббата Майоля Клунийского. Именно с ним можно было говорить самым серьезным образом, не опасаясь, что слова будут истолкованы превратно или же ими воспользуются в различных интригах, не сулящих ему власти. Особенно Иоанн XV опасался клеветов своего давнего врага – тоже Иоанна, но из рода Кресцентиев. Он давно и упорно пытался протолкнуть на Святой Престол своего ставлен-

ника, сбросив теперешнего викария Христа. Будучи реальным правителем Рима, опираясь на поддержку большей части древних италийских родов, он мог на это рассчитывать. Сам же Иоанн XV опирался на благосклонность германских князей, а еще на бенедиктинцев. И эта поддержка пока что перевешивала. Только слово «пока» не то что не устраивало, но внушало серьезные опасения, заставляло искать пути выхода из пугающей ситуации.

Сейчас Джованни ди Галлина Альба внимательно смотрел на своего вернейшего союзника, творившего очередную молитву перед распятием тончайшей работы венецианских мастеров. Удивительно было, что они, два столь разных человека, оказались связаны одной цепью. Майоль Ключийский был всем известным аскетом, истово верующим и ставящим во главу своей жизни служение единственно истинному Богу. Тому веское доказательство – активно проводимая им реформа жизни духовного сословия, направленная против падения нравов монашества и простого духовенства. Именно ее окончательное претворение в жизнь было вершиной мечтаний Майоля.

Неудивительно, что многие поражались, почему Иоанн XV, буквально утонувший в обвинениях относительно подкупа, назначения людей родственной крови на важные должности и прочих схожих грехов, всецело поддерживал реформаторские порывы аббата Ключийского. А суть была проста и понятна. Джованни ди Галлина Альбе было мало

дела до нравственности большей части духовенства, лишь бы эта самая нравственность не касалась его и его ближних людей. А вот добавить к повышению нравственности монахов еще и увеличение независимости тех же монастырей от власти светских сеньоров... Ведь монастырь – это не просто здание или несколько оных, но еще и обширные земли, крестьяне, ремесленники, к ним приписанные. То есть не только деньги, но еще и власть! Власть духовная, на вершине которой стоял именно он, понтифик. Много власти, если сумеешь ей правильно распорядиться.

Потому аббат Ключийский и был выведен из-под власти любых епископов, подчиняясь исключительно ему, Папе Римскому. Рука понтифика, посредством которой он закладывал первые камни в величественное здание владычества Святого Престола не только над духовными, но и над светскими властелинами. Нынешней власти Иоанну никак не хватало. Он был уверен, что не Папа должен прислушиваться к императору, а тот – к нему. И не просто прислушиваться, а покорно внимать даже легким намекам с высоты Святого Престола.

Отсюда и крепость связи этих двух очень разных людей. Общие цели, пусть видимые с разных позиций, объединили их крепче стали кандалов и кровных уз. Потому и безграничное доверие, и вот такие редкие, но важные встречи. Те самые, на которых обговариваются лишь самые важные дела, что не рекомендуется переносить на бумагу или пергамент.

А дел этих сейчас хватало.

– Заканчивай молитвы, Майоль. – Улыбка на лице понтифика была похожа на разошедшуюся рану от кривого клинка. Иоанн это знал, потому старался не улыбаться при посторонних, не желая портить тщательно создаваемый благообразный облик. – Разговор с Отцом нашим небесным редко идет в обе стороны... А вот от меня ты всегда получаешь ответы.

– Да простит вас Господь в бесконечном милосердии своем...

– Кого же ему еще прощать в сим суетном мире, как не наместника своего, – вновь ухмыльнулся понтифик. – Если решишься чуть ослабить цепи своего аскетизма, все эти вина и редкие блюда ждут. Особенно порадует вон та бутылка вина. Бургундское, выдержанное, урожая года... не вспомню уж и какого. Да мне и помнить не требуется.

Закончивший наконец молитву, аббат Ключийский поднялся с колен, в последний раз перед этим перекрестившись, после чего направился к ожидающему его креслу. Оно, кстати, не вызывало у него, поборника строгости и умерщвления плоти, никаких восторгов. Слишком богато украшенное. Чересчур удобное. Впрочем, роскошь была везде, она окружала Иоанна XV. Хотя он так и остался Джованни ди Галлина Альба, могущественным итальянским вельможей, облачившись в одеяния Папы Римского не ради Бога, но ради земной власти. Но Майоль был готов терпеть это, уверившись, что

и через такого грешника Бог претворяет в жизнь замыслы об усилении могущества церкви. Знал он и то, что случись непоправимое, умри Иоанн или будь он свергнут, пришедший ему на смену уже не будет столь благосклонен к продолжающейся клюнийской реформе.

Как Иисус нес свой крест на Голгофу, так и ему, смиренному аббату Клюнийскому, надлежит нести свой – вот этого... Джованни ди Галлина Альба, орудие Божественной воли. Вот и сейчас: сесть в кресло, ласково улыбаться... и вершить дела, угодные Богу.

– О чем вы хотели говорить со мной, ваше святейшество? Мавры, Франция, Польша? Или славянские идолопоклонники?

– Они, верный мой Майоль, – покривился Иоанн, хотя только что отпил сладкого душистого вина из золотого с рубинами кубка. – Как видишь, они придают горечь даже этому роскошному напитку, нектару богов.

Поморщившийся от одного упоминания языческого слова «нектар», идущего от греко-римских мифов, а также от непрямого упоминания множественности богов, Майоль не проронил ни слова. Привык и давно, что дело прежде всего. Да и о сути понтифика не питал тщетных мечтаний. Лишь заметил, заостря выбранную тему:

– Думаю, что разговор пойдет не о венедах, ваше святейшество. Сами по себе они хоть и хлопотны, но их сила несравнима с той, что подвластна землям, где чтут имя Гос-

пода нашего Иисуса Христа.

– Ты догадлив, Майоль. Речь действительно пойдет не о венецианских княжествах, а о великом княжестве Киевском. Или о Руси, как они сами предпочитают себя называть. О нашей настоящей проблеме, которую предстоит решать, пока она не стала совсем уж угрожающей. А к этому все и идет.

– Так ли сильно угрожает нам Киев и его князь Хальфдан? Пусть возится с дикими варварами на своих восточных границах, пусть враждует с Византией, ведь их отношения еще долго не будут нормальными после всего произошедшего. А мы будем делать зависящее от нас, чтобы все так и длилось.

– Смотри в глубь наших забот, а не скользи взглядом по поверхности, – попенял собеседнику понтифик. – Князь Хальфдан Мрачный смотрит не только на восток, хотя и пытается скрыть это, вводя в заблуждение властителей земных. Но вот обмануть наместника властителя небесного у него не получится. Уже не получилось, раз я об этом с тобой разговариваю. Вспомни события минувших лета и осени...

Майолю не пришлось особенно напрягать память. События и впрямь были не из тех, которые легко забыть. Гнойный нарыв среди земель христианских государей, цитадель братства наемников-идолопоклонников Йомсборг. Йомсвикинги были полезны как воины, продающие свои услуги всем, кто способен заплатить, но до поры. Стоило им слишком уж высунуться, как по общему согласию владык светских и духовных было принято решение стереть их с лица земли. Да так,

чтобы и памяти не осталось, чтобы никто более и помыслить не смел создавать нечто подобное, да к тому же под знаменами ложных богов, а вернее демонов.

Признаться, тому способствовало и поведение князя Киевского, будто бы назло прочим решившего обменяться с Йомсборгом послами, ставя грязных разбойников вровень с королями, герцогами и прочими. Впрочем, сейчас аббат Ключийский понимал, что да, именно нарочно, именно с далеко идущими намерениями все это делалось. Потом же...

Гнезно! То самое убийство архиепископа Гауденция, едва назначенного Святым Престолом. Убийство наглое, нарочитое, каковых он и вспомнить не мог в обозримом времени. И совершили его не во время войны или набега. О нет! Всего лишь несколько человек, проникших в святая святых под чужими именами, сумевшие убедить всех вокруг в истинности своих масок. И часть из них сумела скрыться, прихватив с собой отца Бернарда, немаловажную частицу бенедиктинского ордена. Крайне болезненный удар по церкви.

Дознаватели Святого Престола умели работать, особенно когда дело касалось убийства своих. Поработали и тогда, довольно быстро вытащив на свет божий истинную суть произошедшего. Почти мгновенно распространившиеся слухи насчет вины йомсвикингов они на веру принимать не собирались. Слишком уж это было сомнительно. Братство наемников никогда не было замечено в таких сложных интригах и громких убийствах сильных мира сего. Поэтому бросаю-

щуюся в глаза картину просто проигнорировали.

Вместо этого стали искать особенности, свойственные тем или иным влиятельным персонам. И довольно быстро нащупали ведущую к центру лабиринта нить. Красивые женщины, способные не только интриговать, но и убивать. И это были не простые девы-воительницы, часто встречающиеся в войсках славян и хирдах викингов с варягами. Те умели именно воевать, но никак не плести кружево коварных интриг. Зато это умели делать жрицы одной из славянских идолиц – Лады. Двинулись в этом направлении и... результат не заставил себя долго ждать. Опознали мертвого убийцу архиепископа, а там всплыла и его связь еще с одной славянской жрицей, их бегство в Киев... В общем, потайные пружины произошедшего оказались на виду. Вот только это ничего не дало.

Уверенность польского панства в виновности йомсвикингов переломить было очень сложно, практически невозможно. Киев же обвинить было не в чем, никаких явных следов, вообще ничего. Все явные следы вели в Йомсборг, а тайные... их простым вассалам князя Польши Мешко Пяста не предъявить. Слишком многое тогда придется объяснять, а это не в интересах Святого Престола. К тому же йомсвикингов так или иначе, но следовало уничтожить. Войска еще до громкого убийства были почти собраны, оставалось лишь отдать приказ. И нужные слова прозвучали, причем со стороны сидящего на троне Мешко Пяста. Как оказалось, зря.

Во-первых, передовые отряды войска обнаружили не просто стены Йомсборга, но готовые к обороне стены и полное отсутствие какой-либо суеты. Это уже было плохо, поскольку одно дело изгоном обрушиться на полуготовую к штурму крепость и совсем другое – вести долгую и планомерную осаду. Йомсборг ведь был действительно очень хорошо защищен, да и следов ветхости стен там никогда не наблюдалось. Военское братство ответственно подходило к защите собственной цитадели.

Было еще и во-вторых. Море. Оно кишело не только драккарами братства наемников, но и боевыми кораблями из Киева. Часть прибывших с Руси судов была вполне обычными, но вот другая красовалась установленными метателями греческого огня, камне- и стрелометами в большом количестве. Было понятно, что на воде преимущество будет не на стороне нападающих. Печальное напоминание о том, что корабли христианских государей не могут чувствовать себя в безопасности даже там, где совсем недавно было относительно спокойно. А тут еще и посланник Киева в Йомсборге, некто Богумил, прибыл лично к князю Мешко с посланием. Вежливым таким, доброжелательным по словам и издевательским по существу. Последнее время эти руссы полюбили добавлять к силе оружие еще и силу слова, умело это сочетая.

Оказалось, что посланные князем Хальфданом Мрачным в Йомсборг корабли вовсе не боевые и всего лишь осуществ-

ляют сопровождение посольства. А заодно помогают жителям Йомсборга покинуть оказавшиеся не самыми хорошими для братства земли. Особенно недружественных соседей, на них обитающих.

Куда отправляются йомсвикинги? Поближе к рубежам Руси, а если точнее – к устью реки Западная Двина. Теперь Йомсборг будет располагаться там, а не здесь. А великому и могучему князю Мешко Пясту стоит обождать некоторое время, а уж потом подбирать бесхозную крепость. В конце концов, не может же земля оставаться пустой, все равно тот или иной хозяин найдется.

Оплеуха получилась знатной. Князь Мешко рассчитывал на воинский поход, громкую победу, славу победителя грозного братства идолопоклонников... И все пошло прахом. Даже обещанная ему крепость и окрестные земли теперь представляли в облике не воинской добычи, а подаяния с чужого плеча. Дескать, возьми, убоже, что мне негоже. Будучи славянином, поляк хорошо понимал, как это выглядит со стороны. И, что особенно плохо, это понимали и его приближенные. Понимали, но сделать ничего не могли. Пришлось проглотить вызывающее поведение посла Хальфдана Мрачного. Посла того, на чьей стороне здесь и сейчас оказалась большая сила. Только самому Мешко от этого было не легче. Чувство бессильного гнева – не лучшее для столь значимого властителя, но именно оно поглощало поляка изнутри. И средства избавления от него он не знал.

Претворяющему в жизнь пожелания понтифика духовенству также было кисло. Поход под знаменем веры окончился по сути ничем. Более того, Рим щелкнули по носу, показав, что дела идолопоклонников – не их дела. И вот это, в отличие от всего прочего, нельзя было снести. Потому сейчас, зимой 989 года от Рождества Христова, Папа Римский Иоанн XV и аббат Майоль Клунийский и вели важный разговор.

* * *

– Но что мы можем предпринять, ваше святейшество? Помимо той самой войны, подталкивать к которой князей и королей христианской веры вы пока не желаете, – тяжело вздохнул Майоль, вцепившись в четки из ливанского кедра. Того самого, о котором в Библии упоминалось. – Наши эмиссары толкнули на Киев печенежские племена, но теперь те разгромлены, а частью и вовсе вырезаны. Хазары запуганы Хальфданом до дрожи в коленях. Владимир Тмутараканский смотрит в рот императору Василию, своему тестю, и не шелохнется без его на то дозволения. Остальные восточные соседи Руси настолько незначительны, что о них не стоит даже упоминать. Или заняты своими делами и в ближайшие годы нельзя надеяться сравнить их с князем Хальфданом.

– Ты правильно вспомнил про византийского императора, Майоль. Константинополь и Киев давно враждуют. Нам надо лишь крепче столкнуть их лбами. Пусть вцепятся друг в

друга, а мы будем смотреть и улыбаться. А еще помогать то одному, то другому...

– Но ваше... Ведь византийцы – христиане, лишь немного отличаются от нас. Зато эти дикари-русичи – идолопоклонники, наши враги, с которыми никакой союз невозможен.

– Возможно все, Майоль, Господь тому свидетель. Есть лишь Рим, Святой Престол. А эти, из Константинополя, лишь еретики, не подвластные моему святейшеству. Вот и пусть язычники и еретики убивают друг друга как можно больше. Что насчет нас, так мы будем помогать обеим сторонам, чтобы число мертвецов увеличивалось. Это случится, если мы приложим все силы.

При последних произнесенных им словах понтифик нахмурился. Понимал, что сделать это будет очень сложно. Пошарил глазами, вспоминая, куда подевался столь нужный ему сейчас лист. Наконец коротко выругался, извлекая свернутый в трубку лист бумаги из кармана камзола. Да-да, именно камзола, поскольку приличествующее особе духовного сана одеяние Джованни ди Галлина Альба носил лишь при необходимости, считая его крайне неудобным и нелепым.

Лист, оказавшийся картой интересующих собеседников земель, оказался развернут, разложен на столешнице и на углах прижат кубками и бутылками с вином. И звучали невеселые слова понтифика насчет нынешнего положения дел в мире:

– Смотри внимательно, Майоль, тут все разными цветами окрашено, сразу видно, чем Русь была к 986-му году, когда Хальфдан Мрачный стал значимой фигурой на шахматной доске. А вот этим оттенком показано, что получилось сейчас.

– Поясните, ваше святейшество... – просительный голос аббата прозвучал так, что от него никак нельзя было отмахнуться. – От Киева отпало Тмутараканское княжество, Белая Вежа сейчас у Хазарии, это вновь Саркел. Я не понимаю!

– Вот потому-то я сейчас викарий Христа, а ты мой верный помощник, а не наоборот. Но я объясню...

Джованни Альба, используя небольшой стилет как указующий перст, тыкал в тот или иной участок карты, сопровождая жесты словами.

– Отпадение от Руси Тмутаракани... Близость к Византии этого прибрежного анклава всегда была проблемой для киевских князей. Сообщение шло либо через земли хазар с печенегами, либо морем, где до недавних времен господствовали корабли той же Византии. Большая ли то потеря?

– Не слишком.

Удовлетворенно кивнув на это признание со стороны Майоля, понтифик продолжил развлекаться с картой. На сей раз стилет сместился в область левобережья Днепра.

– Уничтожив часть племен печенегов, князь Хальфдан получил земли по левую сторону Днепра. Плодородные земли, пригодные как для земледельцев, так и для скотоводов.

Сейчас там строятся крепости, и скоро вместе с самой рекой и малыми кораблями на ней это будет непреодолимым для степняков барьером. И это не все. Сейчас послы печенегов чуть ли не валяются в ногах у князя, добиваясь мирного договора, предлагая богатые дары и часть земель.

– И что им ответят, ваше святейшество?

– Наши доброжелатели сообщают, что на какое-то время мир печенеги получают, но потеряют часть земель. Вот этих! Ты понимаешь, что это значит?

Глаза аббата Ключийского неотступно следовали за острием стилета, который обвел на карте очень интересную область. Таврида. Полуостров, имеющий большую стратегическую ценность. Не зря же Византия придавала большое значение городу-порту Херсонес. Теперь же под контролем империи были и Тмутаракань с Корчевом. Три мощные крепости, три стоянки для кораблей, их значение сложно было переоценить. А печенеги, по полученным сведениям, отдавали князю Хальфдану перешеек и прилегающие к нему земли.

Вот и получалось, что теперь Русь снова граничила с Византией, но уже по-иному, более выгодно для себя. Это уже не соприкосновение путем довольно далекого анклава, а настоящая граница. Пока еще с промежутком по сути ничейных земель Тавриды, но спустя некоторое время... Присутствующие хорошо успели узнать деятельную натуру нового князя Киевского, который непременно поставит и тут па-

ру-тройку крепостей. И выведет достаточное количество людей, которые стекаются к нему из Польши и иных земель, не желая преклонить колени перед истинным Богом.

– Это плохо, ваше святейшество. В ближайшие годы, если мы не переломим складывающуюся в этой части мира расстановку сил, Русь станет слишком сильной.

– И это еще не все проблемы на восточных землях. Ты, верный мой Майоль, упомянул Хазарию. Правильно по существу, но ошибаясь в важной части. Хазарский каган сейчас с тревогой смотрит на то, как русичи собирают войска, готовясь к... Он не знает точно, но догадывается, что собранные Хальфданом Мрачным тысячи, усиленные наемниками, поднимутся по Дону на своих кораблях и высадятся в Саркеле, легко сметя крепостное войско. Хазары уже не те, что были раньше, их каганат едва сохраняет целостность под нажимом со стороны диких степных варваров.

– Не получив поддержки со стороны, каган вернет Саркел, добавив золото, опасаясь потерять большее. – Воздев глаза к потолку, аббат прошептал: – Господь наш всемогущий, разуми нас, грешных, и замути разум врагов твоих, во тьме неверия пропадающих.

От очередной попытки впасть в молитвенные экстазы аббата отвлекло постукивание стилетом по кубку. Джованни Альба желал говорить по делу, а не тратить время впустую. Того же требовал от своих слуг и помощников.

– Простите, ваше святейшество.

– Ничего, Майоль, я уже привык к твоему порой очень утомительному благочестию. Да и на карте осталась последняя интересная нам точка. Вот тут, – острие стилета вонзилось как раз в то место, где Западная Двина впадала в море и где должен был возникнуть новый Йомсборг. Хорошо вонзилось, приколов карту к столешнице. – Новая цитадель йомсвикингов расположена среди племен ливов. Они для князя Хальфдана чужаки, их ему не жалко. Непременно вышлет на помощь йомсвикингам свои войска, поможет при строительстве крепости. Тем самым еще сильнее привяжет к себе это буйное братство, и без того ему обязанное. И мы получаем...

– Вассальное княжество, – пожевав губами, вымолвил Майоль. – Не сразу, так через несколько лет. Сильные крепости, опытное войско, корабли в большом числе, удачное расположение для военной стратегии. Я все понял, ваше святейшество. Это серьезная угроза, вызов власти матери-церкви. И она станет еще опаснее, если Киев вступит в союз с венедами. Разрешите мне начать внушать пастве, что пришла пора войн за веру Христову...

– Разрешаю, – процедил понтифик. – Но запрети упоминать, против кого именно начнется эта война. Может, это будут веныды. А может, к тому времени, как мы соберем силы, окажется, что более удобным врагом станут мавры. Или вообще Иерусалим, тот самый, где «гроб Господень».

Удивленные глаза убеленного сединами Майоля Ключийского. Понимающая ухмылка понтифика. Такое случалось

часто, ведь исполнители далеко не всегда понимают многоходовые замыслы властителя. Многим это и не надо, но вот действительно доверенное лицо должно видеть все звенья длинной цепи, что ведет к желаемому результату.

– Пока я жив и остаюсь викарием Христа, верные Риму войска никогда не будут брошены в пекло войны с Киевом, – неожиданно для Майоля изрек Папа, после чего объяснил свои слова: – Я изучал историю Руси, начиная еще с предшествующих Рюриковичам династий. Открытая, явная война – не лучший выбор. Были гунны, теперь их нет. Затем у Руси были долгие войны с Хазарией, после которых та едва дышит. Византия... Дважды Константинополь брали штурмом, а их бешеный Святослав чуть было не посадил на трон свою марионетку. И это был бы конец Риму Восточному. Заодно и всей привычной нам карте мира. Нет, прямое нападение принесет много проблем, но итог совершенно не ясен.

– Любого врага можно победить. Даже Господь наш это подтверждал, что в Священном писании...

– Можно, Майоль. Но действовать следует с умом, а не лезть штурмовать крепость, не позаботившись об осадных машинах. Сначала Русь следует ослабить чужими руками, а только в самом конце добить уже истощенного недруга собственными силами. Во имя славы и величия Рима и Святого Престола... – Джованни Альба аж зажмурился на несколько мгновений, представляя себе столь радующую его душу картину. – Мы попробовали воевать чужими руками с Киевом.

Не слишком успешно. Теперь выберем иную стратегию. Будем чужими опять же руками ослаблять союзников Киева. Стравливать их между собой и внутри самих себя, возбуждать ненависть к Руси.

– Окружить Киев кольцом врагов, – аббат Ключийский до того призадумался, что рука сама собой потянулась к кубку с вином. – И начать тогда следует с венецианских племен. Они сильнее и опаснее прочих. Осталось только понять, как лучше всего это сделать...

– Не обязательно именно с них. Но главное, чтобы Киев не увидел в том нашей руки. А для этого надежнее всего будет подготовить «козла отпущения», наподобие того, которого библейские иудеи изгнали в пустыню за грехи свои. И будет им... Священная Римская империя.

Вот тут Майоль был поражен в самое сердце настолько, что лишь залпом опрокинутый кубок крепкого, сладко-терпкого вина помог хоть отчасти прийти в себя. А понтифик лишь коварно улыбался, словно радуясь тому, насколько его слова, высказанные от души, способны изумлять и поражать даже союзников. Что же до врагов, то вводить их в изумление сам бог велел. Да и сам это постоянно делал, судя по тексту Библии.

– Не стоит так пугаться, старый, верный слуга Господа нашего. СЕЙЧАС не Рим правит империей, а империя правит собой, в том числе и Римом. Так быть не должно, это противно воле Божьей. Святой Престол должен подчинять, а не

подчиняться. И так будет, если мы сделаем все, что должны. Слушай, что мы можем сделать и будем делать. Медленно, осторожно, шаг за шагом...

Понтифик слишком хорошо знал, что не стоит бежать впереди всадника, ибо такой поспешающий рискует быть затоптаным. Куда лучше направить тяжеловесных коней истории в нужную сторону, а самому следовать за ними, в безопасном отдалении. И этими «конями» в его понимании должны были стать не только обманутые враги, но даже те, кто считал Святой Престол частью собственной империи. А Киев... это лишь часть плана, важная, но отнюдь не незамеченная.

Глава 1

Февраль (сечень), 989 год. Киев

Зима. Никогда особо не любил ее, но в этот раз она была вполне себе пристойная. Холодов сильных нет, ветров тоже, в изобилии падающий снег тоже не вызывал отрицательных эмоций. Что же до сугробов... ну не лично же я их расчищать буду, право слово! На то более подходящие люди имеются, причем в избытке.

А поскольку развлечения в зимний период числом невелики, неудивительно, что мы, то есть побратимы и просто ближний круг, частенько выбирались на природу. В своем прежнем, прошло-будущем мире я бы сказал «выбирались на шашлыки», но тут этот термин был лишен какого-либо смысла. Термин, но не шашлык как таковой! Не буду же я отказываться от одного из любимых блюд только по той причине, что оно тут неизвестно? Поправка... Оно БЫЛО тут неизвестно.

За минувшие несколько лет я уже успел заработать прочную репутацию большого придумщика ранее неизвестных вещей, материальных и не только. Так что на столь малозначимую штуку, как мясо, вымоченное в вине и специях и поджариваемое на стальных прутьях над раскаленными углями, никто внимания даже не обратил. В смысле не удивился, хотя в местную моду оно вошло довольно быстро. А что тут та-

кого? И быстро, и вкусно, да и процесс приготовления на лоне природы сам по себе своеобразен, располагает к неспешной беседе обо всем сразу и ни о чем по отдельности.

Вот и сегодня выбрались. Снег не шел, но его и в прошлые деньки более чем навалило. Необычно тепло для февраля, безветрие опять же... Как тут не выехать на природу? Недалеко от городских стен, конечно, под бдительным присмотром охраны и... с начальником Тайной Стражи в числе любителей отведать горячего шашлычка на морозе.

Повод? Имелся и он. Зигфрид Два Топора, давний союзник, поддержавший мой личный хирд чуть ли не с самого начала, наконец-то выбрался в Киев. И не просто так, а будучи в относительно крепком здравии. Полученная во время боев за киевский престол рана слишком долго давала о себе знать по полной программе. В том смысле, что по причине плохого самочувствия этот всегда активный и жизнерадостный ярл едва-едва мог сидеть наместником в Переяславле. Да и то свалив почти все дела на помощников. А теперь все изменилось в лучшую сторону...

Елена с Софьей, эти две хитрые лисички-сестрички из храма Лады, радостно хлопотали вокруг шампуров, поворачивая их и периодически сбрызгивая то угли, то мясо вином. Гуннар с Эриком повелись на провокацию Роксаны и безуспешно пытались победить ее, всаживая метательные ножи в стволы близлежащих деревьев. Олег же, пользуясь нынешней малоподвижностью Зигфрида, долго и нудно втол-

ковывал ему насчет особенностей денежной системы Руси и ее плюсах и минусах сравнительно с европейскими и византийской. Два Топора тяжело вздыхал, кривился, но отделаться от вцепившегося в него как клещ казначея не мог. Как ни крути, а доверенный ему Переяславль был немаловажной частью доходных статей.

Ну а я, пользуясь тем, что большинство друзей и побратимов занимаются взаимными мозговыносами, наслаждался покоем. Тем самым, которого у власть имущих не так уж и много остается. Неспешная речь Магнуса и Рогнеды, что беседовали о новых политических веяниях, ни капли не раздражала. Обсуждались ведь не важные дела, а так, приятные мелочи, пусть и связанные с нами. Например, поставки в европейские страны тех или иных книг. наших книг, но переведенных на их языки. Пока это были малые партии, но сам факт радовал. И одновременно приносил понимание того, что Русь сейчас пристально изучают. А цели у изучающих могут быть разнообразнейшие...

– Нож не просто метают, его чувствуют! – радостно говорила Роксана, последним броском раньше времени обеспечивая себе победу в дружеском поединке. – Ты в момент броска и есть эта острая сталь. Ты летишь, рассекая воздух, и знаешь, что не разминешься с целью... Особенно неподвижной!

Ну все, моя краса ненаглядная оседлала любимого «коня» и теперь с него долгое время не слезет. Бешеного и Пет-

лю ждет очередной словесный, а может и не только, урок на предмет метания всего острого. И пропускать слова сестры мимо ушей они не станут. Змейка – признанная мастерица в обращении со всем метательным, особенно с ножами. У такой всегда стоит учиться, пусть и знают они друг друга ой как долго.

Твою... Холодно! Это неожиданно оживившаяся Рогнеда, бывшая княгиня Полоцкая и бывшая опять же жена Владимира Святославовича, кинула в меня собственноручно слепленным снежком. И аккурат по затылку.

И вот что тут можно сделать? Разве что улыбнуться и... запустить ответный подарок, вспомнив далекие годы младшешкольного возраста. А что, было весело! И тогда и... сейчас. Верно сказано было, что подбить людей на что умное – надо приложить много усилий. Зато на дурь легче легкого. Впрочем, это и ко мне самому как нельзя лучше подходит.

Да... порезвились. Именно такая мысль пришла в голову вскорости после того, как закончилось все это снежное безумие, в которое все мы включились с радостными физиономиями или, как у некоторых, не буду показывать пальцем на ту же Змейку, с радостными криками. Хорошо еще, что жарящиеся шашлыки снегом окончательно не закидали. Елена с Софией отбили... теми же снежками, которые отправляли в полет особо сильно и метко. Расшевелили даже вечно делового Олега Камня. Правда, для этого его сначала пришлось схватить и уткнуть по грудки в особо глубокий су-

гроб... для взбодрения и жажды стр-рашной мсти инициаторам сего действия.

Хорошо. И вдвойне хорошо, что никого из посторонних вокруг. Хирдманы охраны тут не считаются – они-то как раз свои, варяги, хорошо понимающие, что такое братство и связи между варягами, крепкие и нерушимые. А вот окажись каким-то чудом здесь кто-то из иностранных послов или их свиты... О, это бы окончательно взорвало им мозг! Однозначно и без вариантов. И насчет некоторых из них это было бы хорошим вариантом. Однако нельзя. Да и нефиг! Наши дела есть лишь наши дела. Чужих они точно не касаются. Особенно тех из них, которые много лет смотрят на Русь с помесью хищного интереса и горделивого непонимания.

– Мясо готово, чиститесь от снега и давайте сюда, – ружья не столько от зимнего воздуха, сколько от перекидывания снежками и прочих схожих забав вроде валяния ближних своих по сугробам, Елена подзывала вымотавшихся нас. – Потом с новыми силами будете друг друга в сугробы засовывать.

– По самую шею, – вторила ей сестра. – Но пусть боги сделают так, чтобы вот такие вот «поражения» были единственными, что нам доведется испытать...

Сложно было не согласиться. С обеими сестрами, что характерно. Их, кстати, в последнее время становилось все сложнее различать в плане поведения. Если раньше сразу видно было различие, выражавшееся в излишней серьезно-

сти одной и намеренно одеваемой личине беззаботной веселости у второй, то сейчас все выровнялось. Шаг за шагом исполняющаяся месть, уверенность в нас, ставших этим двоим близким кругом, – все это принесло свои плоды.

Ну а лично я получил двух «в доску своих» и очень одаренных в области тайных дел специалистов. С ними нас уже слишком многое связывало. Равно как и с Рогнедой, женщиной крайне сложной и тяжелой судьбы. Вся тяжесть минула, осталась в прошлом. Княгиня научилась не просто улыбаться время от времени, но чувствовать себя... дома. Вот только пару для нее найти так и не удавалось. Ухажеров, пусть людей достойных и с крайне серьезными намерениями, она резко, пусть и вежливо, отправляла прочь. Ну а случайные связи – это дело совсем другое.

Сначала я всерьез думал, что эта достойная искреннего уважения женщина решила больше не заморачиваться серьезными отношениями и основное внимание направить на своих детей, на воспитание из них не просто воинов-варягов, а кого-то более перспективного, значимого в масштабах Руси. А вот после пары неспешных бесед с Магнусом начал немного сомневаться. Заодно и забеспокоился. Привыкший подмечать мельчайшие детали жрец Локи заметил, скажем так, ее интерес ко мне. Подозрительный в том плане, что был слишком похож на интерес к мужчине. Не уверенность, но подозрения.

М-да, вот уж будет странная для меня ситуация, если это,

не дай Локи, подтвердится. И, что самое забавное, все мое окружение не увидит в этом совершенно ничего особенного. Как ни крути, а многоженство на Руси да и в той же Скандинавии, не охваченной еще христианством – дело обычное, будничное даже. А что тут далеко за примером ходить. Олег Камень давненько уже с двумя женами, да и Ратмир Карнаухий после печенежского похода вторично женился на вдове своего погибшего побратима. Что поделать, варяги по сути своей воины и ранняя смерть среди них не есть нечто удивительное. А еще остаются вдовы и дети... Это лишь мне непривычен подобный жизненный уклад, а здесь, в этом времени и месте, он естествен.

Ладно, в сторону мрачноватые мысли, мы тут вообще-то для отдыха собрались. Привычным усилием выбросив из головы все лишнее, я переключился на куда более приятное – протянутый Змейкой шампур, на который было нанизано свежайшее мясо. А тут еще и Магнус подоспел, возжелавший выпить вина не просто так, но с предваряющим тостом.

– За успех в тех делах, которые мы начали. За силу Руси-Гардарики, которая есть и наша сила. За наших друзей и союзников, помогающих нам на выбранном пути. За случайный люд, разносящий слухи о нашей силе, порой преувеличенной многократно. И за врагов, что не дают забывать о том, что оружие всегда должно быть рядом. За нашу жизнь, братья-варяги!

Умеет побратим говорить. Иногда долго и изысканно, по-

рой кратко и веско. Зато всегда по делу и запоминающиеся всем слушающим. Вот и сейчас всем пришлось по душе произнесенные слова.

Ну а теперь пришла очередь не выпивки, но закуски. Нежное мясо словно таяло во рту, поневоле заставляя вспомнить о том, что тогда, в прошлом-будущем, оно было куда как хуже. Наверное, мечтательное выражение лица слишком уж привлекло внимание, потому как сидевшая со мной на одном чурбаке, этом импровизированном стуле, и тесно прижавшаяся Роксана спросила:

– Опять в облаках витаешь?

– Ага, именно так. Хорошо, срочных дел нет, вокруг все свои и ни одной лицемерной рожи, что в изобилии попадают там, в коридорах дворца.

– Их и там немного, – усмехнулась Змейка. – Слуг я не считаю, а в остальном все посланники иных земель меж собой говорят, что двор Хальфдана Мрачного какой-то не такой по их меркам. Нет в нем тех вечных свар и грызни, что и в Царьграде у базилевса Василия, и у Оттона III с его матерью, и у иных прочих.

– Да, пока всего этого нет. И я попробую сделать так, чтобы и потом этого непотребства было куда меньше, чем в иных местах... А то ведь оно как бывает? Сначала все хорошо, а потом лезет всякое и всякие. Тот же Рим взять, который еще дохристианский, имперский. Не доглядели, упустили, и вот на тебе. Вместо силы и чести появились лизоблюд-

ство и низкопоклонство.

– Но мы-то уж точно этого избежим!

– Мы сделаем все, что от нас зависит... Это я могу тебе обещать.

Эх, Змейка... Горячая, искренняя, но местами все еще немного наивная. И это несмотря на то, что теперь, после «курса молодого бойца» от циничного меня во многих случаях даст фору иным моим друзьям по части интриг и коварства. Но вот вера в то, что и пришедшие нам на смену будут ничуть не хуже, она абсолютна и непоколебима. А это еще ба-альшой вопрос. И его надо решать не когда жареный петух в задницу клюнет, а намного раньше. А то видел я...

Да, видел! На страницах исторических книг, но этого более чем достаточно. И избежать деградации выстраиваемой системы очень непросто. Но шансы есть. Особенно учитывая то, что имеется серьезный исторический опыт, по умолчанию больший, чем у остальных. К тому же...

– Присоединюсь?

– Так никто и не мешает, – пожимаю плечами в ответ на слова Магнуса. – Только ты не особо на дела государственные разговор своди. Мы тут как-никак отдыхаем, не стоит такие хорошие и нечастые мгновения портить.

Подтащивший поближе чурбак, на котором сидел, побратим посмотрел на нас со Змейкой до того невинным взглядом, что я невольно воздел глаза к небу, а моя красотка-воительница высказалась крайней ядовито:

– Самые темные замыслы у тебя прячутся под вот таким ла-асковым выражением лица. Надеюсь, что хоть Гудрун, жене свою, ты подобным не «радуешь».

– Конечно, иначе бы она убежала так далеко и быстро, что и вольный ветер остался б позади. Это только для вас.

– Змей. Ядовитый!

– Э, нет, – улыбнулся Магнус. – Это ты у нас Змейка, а я так, всего лишь учусь.

Роксана открыла было рот, чтобы выдать очередную дружескую колкость, но, увидев что-то в глазах побратима, передумала. Точнее оставила на потом, лишь сооротив гримаску. Да и сам Магнус это понимал, сказав:

– Ага, оставим пока. А сейчас я все же позволю себе не самые приятные слова. Те самые, что дел касаются. Сначала думал подождать до возвращения, но все же решил сказать сейчас. Вести больно уж... значимые.

– И плохие?

– Что? – на мгновение растерялся Магнус. – Нет-нет, никаких именно что плохих вестей. Но и хорошими их не называть. Просто вести. А уж что они нам принесут, лишь от нас будет зависеть.

– Не томи.

– Постараюсь, Мрачный. Дело в том, что... в Киев едет Доброга, посланником от Владимира Тмутараканского. Не на долгий срок, а лишь на малое время, везет с собой приглашение.

– Бывший князь киевский что, с бараном аль осликом головой обменялся? – возмущенно фыркнула Змейка. – Вот больше моему мужу делать нечего, как с этим предателем Руси встречаться! Да и веры ему нет никакой. И в Киев его пускать не след, не достоин! Если только по частям. Ноги в одни ворота, руки в другие, голову вообще отдельно от остального.

В ответ Магнус лишь поднес палец к своим губам, призывая разошедшуюся Змейку сбавить голос, дабы не отвлекать других от отдыха. Оно и верно, а то слишком уж валькирия разошлась, во всю ширину своей души. Сомневаюсь, что все так просто, как могло показаться на первый взгляд. И побратим своими последующими словами лишь подтвердил это.

– Владимир не самоубийца, чтобы даже думать о возвращении в Киев. И не настолько глуп, чтобы надеяться на встречу с Хальфданом там, у себя. Да и не о чем нам между собой разговаривать напрямую, минуя посланников. Он лишь посредник.

– Никак базилевс поговорить желает? – предположил я и по реакции Магнуса понял, что попал в цель. – Странно, что ему понадобилось лишнее звено цепи. Мог бы обратиться и через своего личного посла. Не зря же он в Киеве штаны на пирах просиживает и целую ораву слуг содержит.

– Обратившись к тебе напрямую, ромейский базилевс покажет свою слабость перед своими же приближенными, этим паучьим клубком, – кривоватая усмешка побратима показы-

вала его недовольство происходящим, но вместе с тем и понимание, что никуда от всего этого не деться. – А не обратиться уже нельзя, его государству совсем плохо и с каждым днем это становится заметнее. Мы для него лучший из худших выборов. Война...

Да, война. Та самая, с Болгарией, в которой базилевсу Василию далеко не факт, что светит прозвище Болгаробойцы. Война, которую Византия проигрывала, подточенная изнутри мятежом Варды Фоки. Если по известной мне истории базилевс смог подавить мятеж, опираясь в том числе и на предоставленные Владимиром Киевским войска, то теперь все обстояло несколько иначе.

Почувяв слабость империи, воодушевились не только болгары царя Самуила, но и антиохийские сторонники Варды Фоки. Акела промахнулся! Причем два раза, в битве у Траяновых ворот и в политике, проиграв политическую битву за Киев. А двойной промах редко остается без последствий. Даже для империи. Особенно для империи.

Поскольку немногие свободные войска Владимира Тмутараканского были брошены против слишком активных болгар, то с Вардой пришлось справляться собственными силами. Главное сражение, в отличие от привычной мне реальности, состоялось не при Абидосе, а в провинции Киликия, возле города Тарсос. Только пораньше, не в апреле 989-го, а в ноябре 988-го. И результат был иной. Совсем иной. Столкнувшиеся армии увлеченно перемалывали друг друга, но по-

беду все же выгрыз Варда Фока. Сказалось преимущество в кавалерии, большей частью наемнической.

Результатом битвы при Тарсосе стало... усыхание амбиций поднявшего мятеж военачальника. Уменьшившаяся в числе армия, поистощившаяся казна... Все это, невзирая на одержанную победу, заставило его остановиться, занявшись укреплением уже занятых земель. Мало того, его войска отступили почти из всех земель Киликии, оставив за собой лишь изначально поддерживавшие Варду Антиохию с Доличией да взятый под полный контроль Кипр. И базилевс был вынужден если и не смириться с потерями, то временно оставить попытки вернуть отпавшие три провинции, ограничившись их блокадой. Болгары были куда опаснее. Особенно после того, как, опираясь на крепости Салоники, Сербия и Берия, они начали развивать наступление, предварительно разделив территорию Византии на две неравные части.

Я все это знал, а потому спросил у Магнуса, желая кое-что уточнить:

– Неужто царь Самуил так серьезно прижал базилевса? Признаться, я в последнее время не слишком уделял внимание этому направлению.

– Если бы не живой, здоровый и все более опасный Варда Фока, то Василий Второй мог бы еще долго выжидать удобного для себя момента, накапливая силы. Все же Византия и Болгария не равны по силам воинским и иным. Но сейчас, когда предводитель мятежников, почуяв слабость, сразу же

ударит... Базилевсу нужен мир с болгарами, он готов дорого за него заплатить. Временный, конечно, как ты понимаешь. Правда болгарам этого говорить никто не станет. А зная воистину змеиную хитрость ромеев, обмануть Самуила у царьградских затейников может и получиться.

– Пусть так. Нам-то что с того? Зачем влезать со своим посредничеством между теми, кто нам либо враг, либо никто, скажи?

Да уж, оживившаяся Роксана просто забросала побратима шквалом вопросов. Ну а я добавил к ее словам.

– Все верно сказано. А тебе есть что ответить, иначе отмахнулся бы от всей этой затеи, как от надоедливой мухи.

Пока Магнус собирался с мыслями, я, не особо и напрягаясь, смотрел на зимний пейзаж вокруг. А еще на своих друзей, использующих не столь часто выпадающую возможность отстраниться от круговорота политики, экономики, интриг и войн. Забавно, что многие еще там, в прошлом мире, считали, будто короли, князья и прочие все из себя такие беззаботные и вечно веселящиеся. Нет, были и такие, но либо за них правили другие, либо они быстро теряли все, а часто и вместе с головой. И я об этом помнил. Всегда. Особенно потому, что высоко ценю то, чего удалось достигнуть. То, что во что бы то ни стало пытаюсь удержать. И не столько из-за известного мне будущего, сколько по куда более простым причинам.

Каким именно? Да хотя бы ради того, чтобы и будущей

зимой, и еще через энное количество лет иметь возможность находиться в столь же приятной и не изменившейся в худшую сторону компании. И чтобы все тут присутствующие не были омрачены мыслями о безопасности своей, детей, родичей и той земли, на которой живут. Вот что главное, откровенно говоря.

– О наших друзьях-побратимах задумался, – как нечто само собой разумеющееся отметил ход моих мыслей жрец Локки. – Беспокоишься?

– Не то чтобы сильно, скорее порядку ради... Заодно напоминаю себе, что надо укреплять земли и людей, чтобы вот таких дней было больше и были они спокойные. Не прельщают меня постоянные войны лишь ради защиты имеющегося.

– Понимаю, брат. Потому и эту затею с посредничеством меж Византией и Болгарией сразу не отвергаю. Есть в ней и для нас кое-что полезное, коли на своем настоим. Особенно помня то, что посол Владимира Тмутараканского наш до самых своих гнилых потрохов. Стоит нам только...

– Давай о деле, Магнус.

– О деле, так о деле, – легко согласился тот. – За наше посредничество мы можем получить от Византии два преимущества. Для начала нам нужно спокойное освоение Тавриды. Всей, кроме уже византийского Херсонеса и тмутараканского, то есть вассального Византии Корчева. Иначе нам будут сильно мешать.

– Дальше...

– А дальше твоя любимая торговля, – подмигнул мне жрец Локи. – Ты же видишь, Мрачный, что одна наша бумага и печатные книги уже стали пользоваться большим спросом в лежащих на западе землях. Берут все, что у нас есть лишнего. А если удастся еще и в Византию без препон товары поставлять... Особенно те, о которых ты говорил как о почти завершенных. Сначала у нас, а потом и в иные земли. Понемногу.

Что верно, то верно. Мои идеи насчет торговой экспансии в значимые страны Магнус поддерживал. Понимал, что получаемые от этого прибыли можно пустить не абы на что, а на укрепление городов-крепостей, оснащение войск, на развитие ремесел и особенно очередных новинок.

А новинки были... Правда, большая часть из них так или иначе относилась к военному делу, а потому никак нельзя было выставлять такое на продажу. Поэтому пока дело ограничивалось, помимо традиционных сырьевых товаров, бумагой, книгами и... зеркалами. Да, теми самыми, которых так не хватало в теперешнем веке. Как ни крути, а медные, серебряные или там бронзовые зеркала отличались крайним несовершенством. Ими пользовались исключительно по причине отсутствия лучшего варианта. Как говорится, за неимением гербовой пишут и на клозетной.

Что нужно для зеркала? Стекло и его покрытие отражающим слоем какого-то пригодного для этой цели материала. Эх, до чего же хорошо, что стекла на Руси не то чтобы

хватало, но делать его умели. Не то чтобы в больших количествах и не в массовом порядке, но те же стеклянные безделушки для местных модниц присутствовали. Вот потому, поскрипев мозгами в попытках вспомнить технологию изготовления зеркал венецианцами в период средневековья, я и начал восстанавливать процесс шаг за шагом.

Сначала мне вспомнилось, что на ранних этапах освоения зеркальных технологий стеклодувы поступали так: в выдуваемый шар через трубку вливалось расплавленное олово, которое растекалось ровным слоем по поверхности стекла. Потом, когда шар остывал, его разбивали на куски. Так себе технология, откровенно говоря. Ведь потом этот самый зеркальный шар следовало разбить. Да-да, именно разбить! И уже потом из крупных осколков создавались зеркала, имеющие два недостатка. Первый, причем менее существенный, заключался в том, что большое зеркало из осколка не создашь. Лишь небольшое, толком не способное порадовать светских модниц.

Размеры... С ними еще можно было смириться, в отличие от искажений. Ведь обработанные и заключенные в оправу осколки разбитого шара были вогнутыми. Следовательно, они серьезно искажали изображение. Тоже неприятно, не так ли? «Аттракцион кривых зеркал» вряд ли понравится ценительницам собственной красоты. Вот и нечего его изображать.

По этим причинам я и не собирался идти по такому из-

начально ущербному пути. Несмотря на то, что помнил бешеную популярность даже таких зеркал. Ведь был и второй вариант, реализовать который было лишь немногим сложнее. Да и то большой вопрос, откровенно говоря. Достаточно было взять не стеклянный шар, а стеклянный цилиндр. Не давая ему остыть, разрезать вдоль, после чего раскатать на медном или бронзовом листе. Итогом было листовое зеркальное полотно, отличавшееся блеском, хрустальной прозрачностью и чистотой. И никаких искажений, что особо радовало!

Главная же радость – цена. Та цена, которую готовы были платить представительницы прекрасной половины человечества. Олег Камень, казначей наш несменный, уже заранее потирал руки, представляя, какой поток золота и серебра в скором времени обрушится в его закрома. Почему «в скором времени», а не сейчас? Да просто производство зеркал лишь начинало налаживаться, покамест были готовы менее двух десятков образцов. Кстати, десяток из них уже отправились или готовились к отправке женам и дочерям иноземных правителей. Наиболее значимых правителей, само собой разумеется. Дипломатия, чтоб ей пусто было! Ну а остальные? С ними тоже все было очевидно. Неужели кто-то всерьез думает, что те же Рогнеда или Софья с Еленой отказались бы от подобного? Или жены побратимов... Да и моя Змейка, хоть и ворчала, что она не абы кто, чтобы на саму себя любоваться, а все же порой не могла устоять. Хоть и воительница,

а девичья суть, она ведь не просто так, а ее неотъемлемая часть. Вот, кстати...

– А скажи мне, родная, как думаешь, много ли готовы будут красотки из Священной Римской империи или королевства франков выложить за зеркало в полный рост? Да и за те, что в руке уместятся, тоже?

– Много, – мигом ответила Роксана. – Ради своей красоты женщина готова преодолеть любое препятствие. А твои зеркала, Хальфдан, дают возможность видеть собственное отражение без помех, без размытости и искажений. Если еще зеркало златокузнецу хорошему отдать, чтобы оправил подобающе... Не удивлюсь, коли золотом по весу платить станут.

Кхм... Умница она у меня, не поспоришь. Ведь с зеркалами производства Венеции в свое время было именно так. В той же Франции зеркало средних размеров стоило несколько тысяч ливров. За такую сумму можно было снарядить немаленький отряд или же спустить на воду малый фрегат. И эту сумму готовы были потратить на какое-то долбаное зеркало! Мало того, некоторые и вовсе продавали часть земель, лишь бы не отставать от других, уже заполучивших вождеденную диковинку!

Стоп, стоп и еще раз стоп. Что это я так разнервничался? Мне оно только на руку, если и тут начнется нечто похожее. Пусть бесятся, если от этого Руси польза выходит.

– Золотом по весу – это хорошо, но не очень, – криво

улыбнулся Магнус, выслушав мнение Змейки. – Хальфдан правильно сделал, что первый десяток зеркал как подарки разослал в дальние и не слишком страны. Пусть подивятся, повосхищаются. Желание обладать усилится, готовность мощну развязать тоже.

– Тогда почему хорошо, но не очень?

– Потому, сестренка, что цену слишком завышать не надо. Вот ту же бумагу и печатные книги мы продаем дорого, но не слишком. Многие купить могут. И покупают. Так и с зеркалами пусть будет. ЗДЕСЬ, то есть у себя, мы купцам заморским продаем по своей цене, а дальше пусть они хоть до небес ее задирают. Ведь это приведет к тому, что...

Тут хитрый лис взял паузу, давая возможность Змейке закончить им сказанное. Однако та, при всех ее достоинствах, в денежных делах разбиралась пока не так чтобы очень. Вот Камень сразу бы ответил, как большой специалист. Ну и я могу, но уже чисто за счет знаний своего времени.

– Шила в мешке не утаить, Рокси, – подмигнул я своей воительнице, которая уже помаленьку привыкла к моей привычке сокращать ее имя. Привычка, однако, она у меня никуда не денется, а имя Роксана по меркам двадцать первого века все же малость тяжеловесно. – Цена, по которой мы продаем, тайной не останется. Об этом наши посланники позаботятся, обронив несколько слов в разговорах. Значит, к нам поедет еще больше купцов, в надежде купить и перепродать, но уже не столь дорого. Пусть торговый люд грызет друг

друга, нам от этого лишь польза и никакого вреда. Да и вообще, хватит о товарах, у нас ведь аж целый посол вот-вот появится! Змейка с Магнусом лишь рассмеялись, вспомнив о личности этого самого посла. Ну и выдали несколько весьма оскорбительных слов по адресу Доброги. Что поделатъ, подобных двурушников у нас сроду не уважали, хотя признавали их пользу. Но о нем еще поговорим, особенно с участием Гуннара. Он ведь у нас олицетворение Тайной Стражи, ему и карты в руки. Лично меня сейчас интересовало другое – место. То самое, в котором в принципе могли бы состояться переговоры базилевса Василия II и царя Самуила.

Эх, отдых, ты явно постепенно заканчиваешься! Жаль. Но в любом случае, сочетать дела и отдых на природе куда лучше, чем заниматься исключительно делами во дворце. Так что...

Первая партия шашлыка была благополучно съедена, вот-вот должна была прийти очередь второй. Той самой, что радостно шкворчала на шампурах. На сей раз вокруг них решили поколдовать Змейка с Рогнедой. Не необходимости ради, а исключительно любопытства для. Захотелось и все тут. Сестрички были временно оттерты в сторону и сейчас крутились то вокруг одного, то вокруг другого из нас. Слегка флиртовали, заигрывали помаленьку. Порой подкалывали, благо язвительны и остроумны были чрезвычайно. Жрицы Лады, однако, что тут еще можно было сказать. Но вся их язвительность и любовь к своим образным шуточкам исчезли,

стоило только прозвучать первым словам насчет того самого дела. Ведь именно Софья с Еленой среди нас могли считаться лучшими специалистами по делам болгарским. Кровь, она не вода, да и обе сестры старались не убирать руки с пульса тамошней жизни. Вот нам оно сейчас и пригодится.

– Елена, Софья... Как вы считаете, царь Самуил примет помощь Киева, то есть нашу помощь, при заключении мирного договора с Византией?

– Если увидит смысл вообще заключать мир сейчас, – не задумываясь ни на миг, ответила Софья, а Елена лишь кивнула, соглашаясь со словами сестры. – Он побеждает, хотя понимает, что Византию одному ему на колени не поставит. Даже учитывая мятеж Варды Фоки, до сей поры не подавленный. Он не верит базилевсу, его слово дешевле меди. К тому же тут еще и унижение...

– Точно, сестра, великое унижение. Последний царь из рода Крума, Роман, был не просто взят в плен и казнен, а оскотлен. Из крумида сделали ничтожного евнуха по приказу Василия Второго. Но Роману удалось бежать. Лишившись единоличной власти, передав корону и титул соправителя-наследника Самуилу по доброй воле, он не утратил гнева и ненависти к Византии. Такое нельзя забыть, нельзя простить.

– Но он сможет понять необходимость прекращения войны...

– Если будет уверен в прочности мира.

– Да. И тут слово Киева...

– Будет весомей прочих.

Все, сестры пришли к общему мнению. В той самой своей забавной манере, когда мысли их словно разделяются на две половины, излагаемые попеременно до одной из них, то другой. Получается, что царя Самуила и даже Романа можно склонить к миру, но перед этим предоставив верные гарантии его крепости на ближайшие годы. И мы действительно можем выступить в качестве посредника. Особенно если вспомнить времена Святослава Великого. Думаю, болгары их тоже хорошо помнят. Были-то они сравнительно недавно, сохранились люди, воочию все это наблюдавшие.

– Мы так и не услышали ничего насчет места переговоров, – вкрадчиво напомнил Гуннар, покачивая кубок и наблюдая за тем, как кроваво-красное вино колыхается в нем, словно волны в бушующем море. – Оно должно быть таким, чтобы все три стороны, участвующие в переговорах, чувствовали себя уверенно. Чтобы не боялись одним прекрасным днем или не менее прекрасной ночью оказаться укороченными на голову.

– Болгары никогда не поедут на ромейские земли. Да и нам туда отправляться без большого войска не след, – проворчал Зигфрид. – Только Один с его мудростью мог бы предсказать поведение ромеев насчет посланников. Возьмут да и отравят того же Самуила. И нас заодно, они такие.

Я лишь улыбнулся от такой непосредственности бывшего

вольного ярда, а ныне наместника Переяславля. Остальные тоже заулыбались, даже Гуннар Бешеный не удержался, позволив себе легкий намек на ухмылку. Не-ет, травить базилевс никого не станет, просто не осмелится. Недаром же даже Романа из рода крумидов не убил, а лишь оскопил. Все-рьез считал, что этим поддерживает еще с давних времен заложенный Юстинианом принцип о «неубиении венценосных особ», что попадают в руки Византии, Рима Восточного, живыми.

Только вот есть вещи и похуже смерти. Роман в этом убедился. Как и некоторые другие. Просто тот был наиболее известной жертвой византийской мерзости, только и всего.

– Никакой Византии, тут с Зигфридом все согласны, – задерживая на доли секунды взгляд на каждом из присутствующих, я видел, что никаких возражений насчет моих слов даже не просматривается. И это было хорошо. – На то мы и посредники, чтобы предоставить надежное место. Но и царю Самуилу вкусный кусочек бросить стоит. Например, проведение переговоров на стыке русских и болгарских земель.

– И как на это посмотрят ромеи?

– Утрутся, Бешеный. Поскрежещут зубами, покричат да постонут, после чего согласятся. Мир не нам нужен, мы лишь посредники. Не болгарам, ведь сила сейчас на их стороне.

– Ну если только так, Мрачный...

– А так и есть, брат. И вообще, я вижу, что очередное угощение доспело. Две прекрасны девицы уже несут. В общем,

дела пока в сторону, продолжаем отдыхать...

Тут особо уговаривать не пришлось. Действительно, дела пока были способны подождать. В отличие от шашлыков, которые по такой погоде остывали просто с потрясающей скоростью.

Глава 2

За два месяца до текущих событий (декабрь (сентябрь), 988 год). Византия, неподалеку от Пловдива

Война и так складывалась для империи неудачно, но очередное проигранное сражение ударило по сердцу Василия особой болью. Последний раз нечто похожее он испытывал лишь у Траяновых Врат, когда была уничтожена большая часть собранного войска, а сам он едва успел спастись бегством. Но было и отличие. В той роковой битве войско попало в умело организованную Самуилом засаду, было зажато в ущелье и выбивалось в великолепных для врага условиях. Теперь же...

Проклятая дорога меж Ихтиманом и Пловдивом! Прошло всего два с небольшим года, и она снова стала местом, где империя потерпела новое, не менее серьезное поражение. А сначала у него и его военачальников были такие радующие душу и сердце мысли. Те самые, о наступлении через Констанцу и Софию. Захватив последнюю, можно было думать и о том, что не так давно проделали войска самого Самуила – о рассечении Болгарии на две части. Причем столица, Преслав, была бы отсечена от самого Самуила и его армии. А там уж можно было если и не продолжать наступление, так хотя бы договориться о перемирии или даже мире на подходящих условиях. Временном конечно. Ведь Византия не может ока-

заться побежденной, она есть Рим второй, не чета первому, италийскому, давно уже утратившему былое величие, ставшему лишь придатком германского императора Оттона III.

Все это было, все обдумывалось, но пошло прахом. Самуил, войска которого должны были быть далеко отсюда, чуть ли не у Салоник, оказался слишком хитер. Оставив пехоту, он со всей своей кавалерией делал огромные переходы, по возможности меняя лошадей не всегда на лучших, но на свежих. И сумел добраться. Мало того, подошли войска из Софии, Бояны, Перника и из крепостей помельче. В качестве же последнего груза он бросил на свою чашу весов венгерских наемников. Этим было все равно, за что и за кого сражаться, лишь бы не во вред своим землям и за хорошую плату. А царь болгарский не поскупился, щедрой рукой разбрасывая золото тем, кто не поленился протянуть за ним руку.

Не поленились многие. И все три части войска, соединившись, обрушились на воинов империи, застав их во время марша по той самой проклятой Богом дороге. Никаких особых хитростей, засад, новых тактических ходов Самуил не придумал. Может, не смог, а может, и опасался, что новое окажется менее полезным, чем старое и проверенное временем. Предводитель болгар использовал те сильные стороны, что уже были у его войска: боевой дух, преимущество в кавалерии, а еще в той ее части, которая называлась конными стрелками. Теми самими, которыми всегда славились славянские народы: русичи, веныды и даже болгары. Сейчас это

умение несколько приугасло, но даже затухающее пламя костра оказалось способно доставить большие проблемы.

Император не собирался играть со смертью в кости, ставя на кон свою голову. Именно поэтому, когда стало ясно, что битва проиграна, он, оставив пехоту на съедение, пустился в бегство под прикрытием экскувиров и катафрактов, этих отборных частей конницы.

К некоторому удивлению, войско Самуила не преследовало бегущих. Зато пехота уничтожалась безжалостно, до последнего человека. Вражеский полководец предпочел целиком уничтожить менее подвижную часть войска, давая уйти более подвижной. Пленные... Они болгар не интересовали.

И все же битва была проиграна. Потери велики, стратегическая инициатива вновь полностью перешла к болгарам, да и недовольство охлоса своим императором могло в скором времени перейти от глухого ропота к череде мелких мятежей. А ведь Варда Фока, засевший в Антиохии и на Кипре, с радостью воспользуется любой возможностью. И с Самуилом заключит мир, легко сбросив как выкуп еще сколько-то провинций вдобавок к уже завоеванным болгарам. Это понятно, сам Василий на его месте поступил бы так же.

Что ж, если империя становится слаба на полях сражений, приходится основную тяжесть противостояния переводить в иные сферы. Так уже не раз было, поэтому император не сомневался относительно того, что ему предстоит делать. Задержавшись в Пловдиве на день, дабы убедиться, что кре-

пость готова к осаде, Василий, окруженный верными людьми и экскувиторами, не щадя коней, направился в Константинополь. Меч временно должен был спрятаться в ножнах, а его место занимало перо. То самое, которым пишутся письма и договоры о мире или перемирии. А помочь в этом ему должен тот, кто был абсолютно верен империи вообще и ему лично, да к тому же знал толк в душах человеческих...

* * *

Византия, Константинополь

Велик и могуч Константинополь – Рим второй, Восточный. Это не оспаривается никем – ни врагами, ни союзниками, ни тем более самими византийцами. Крепкие стены, величественные дворцы, сила и мощь расквартированных в городе войск. Да и множество боевых и торговых кораблей в бухте напоминают о том, что сила империи не только на суше, но и на водяной глади. Причем на воде византийцам почти не приходилось терпеть поражений.

Вот только дыхание войны чувствуется даже здесь, в сердце империи. Опасливый шепот о тяжелых поражениях имперской армии под предводительством самого Василия II, слухи о том, что мятежник Варда Фока в своей Антиохии вот-вот снова сунется в соседние провинции... С разговорами и слухами борются сурово, хватая обладателей чересчур длинных языков, сурово наказывая, чтобы у других и мысли

не возникло повторять подобное. Плети, вырывание языков для особо разговорившихся. Крупные денежные штрафы, но это только для тех, кто способен заплатить полновесными золотыми монетами.

И оживившиеся обитатели трущоб, городского дна. В последнее время шайки воров, грабителей, наемных убийц усилились, получив подкрепление, втянув в себя немалую толпу дезертиров. В основном из псилов, то есть легкой пехоты, что несла в боях больше всего потерь.

Это пополнение было как нельзя кстати. Ведь к предводителям шаек в последнее время стали наведываться неожиданные гости с востока. Манили будущей богатой добычей, но уже сейчас соблазняли золотыми и серебряными кругляшами. Денег было не так много, чтобы отбросить обычные дела вроде грабежей, но достаточно, чтобы не отмахиваться от слов, чтобы всерьез задуматься. А задумавшись, готовиться к тому, чтобы выступить по получении сигнала. Того сигнала, что дадут посланцы Варды Фоки, метящего на императорский трон.

Знал ли о происходящем в его столице Василий II, император Византии? Пожалуй да. Принимал ли всерьез? Такой же ответ. Но еще он осознавал и то, что пока длится столь несчастливо складывающаяся война с болгарами и не подавлен мятеж Варды Фоки – покоя не видать. Империя слабеет, она не в состоянии вести сразу две серьезные войны, одна из которых еще и внутренняя, с противником, знающим из-

нутри все твои сильные и слабые стороны. А значит, он прав в своем стремлении выскользнуть из охватывающей его паутины.

Стоящий у окна и смотрящий на город Василий несколько раз глубоко вздохнул, набираясь сил перед не самым приятным для него разговором. С тем человеком, что сейчас сидел, перебирал свои любимые жемчужные четки и смиренно ждал, когда его повелитель выскажет свою волю. А ему, императору, придется хотя бы для самого себя признать, что он ошибся. Ошибся в тот момент, когда посчитал мятеж менее опасным, чем войска болгарского царя. И еще тогда, когда потешил свое самолюбие, приказав оскопить Романа Крумида. Не послушал совета, что одно это известие станет для Самуила не устрашающим, а придающим новые силы и усиливающим ненависть к Византии в целом и к нему особенно.

Собравшись с силами, император повернулся к окну спиной и ласково улыбнулся Николаю Хрисовергу, константинопольскому патриарху, второму по влиянию человеку в империи. Уже почти старик, с пошатнувшимся здоровьем, но все со столь же крепким духом и абсолютной преданностью идеям империи. Той самой, что должна была восстановить свое прежнее влияние, выйти на рубежи, существовавшие еще до великого разделения на Рим Западный и Рим Восточный.

– Все поправимо, порфирородный, – используя это титулование, подчеркивающее законность рождения и соответ-

ственно власти над империей, патриарх подбадривал владыку империи. Понимал, что обстановка в Византии далека от желаемой. Да и от сколь-либо приемлемой уже тоже далека. – Желаете отвлечься игрой в шахматы перед беседой? – Нет, не желаю. Мы уже проигрываем партию. Ту, которая не на доске, а в жизни, – отрезал Василий, начиная прохаживаться взад-вперед. Резкие его движения показывали, что он с трудом удерживает себя от того, чтобы не выплеснуть свой гнев на того, кто уж никоим образом непричастен к возникшим бедам. – Империи нужен мир. Мне нужен мир. Всем нам нужен мир, иначе начнется то, чего опасались все мои предшественники. Империя распадется на части, останутся лишь ближние к Константинополю провинции. И те со временем растащат алчные псы-соседи.

– Варда Фока пойдет на такое. Лишь бы самому оказаться на троне. Он уже посылал людей к Самуилу. И те были приняты с почетом и уважением.

– Свершилось...

Разом обессилевший базилевс даже не сел, а буквально упал в кресло, которое жалобно скрипнуло под ним. Значит, теперь его враги могут объединиться в единое целое. Самуил умен, он должен понимать, что его болгары не способны удержать за собой не то что всю империю, но даже сколь-либо значимую ее часть. Слишком сложен незримый механизм, который ей управляет, не по зубам он болгарской знати. Их удел царство, но никак не империя. Это понятно не

только тут, но и там, у болгар.

А вот разорвать Византию на куски, а остаток отдать тому же Варде Фоке – это Самуил сделает с легкостью. Понимает, что император Варда совсем не то, что Василий II. Неужели действительно все, конец? Нет, он еще поборется! Да и слова патриарха, звучащие сейчас. К ним явно стоит прислушаться.

– У нас есть несколько месяцев передышки, базилевс. Царь Самуил тоже истощил свое войско, его воинам нужен отдых. Самое большое, что он сделает в эти месяцы – возьмет Пловдив. И тем даст нам еще немного столь необходимого времени.

– Для похода на Антиохию и Кипр? – невесело улыбнулся Василий. – Ты не военный человек, Хрисоверг. Узнав о таком нашем походе, Самуил соберет все, что у него есть и рванется к Константинополю, зная, что остановить его мы не сможем. А с другой стороны ударит Варда, вылезший из антиохийских крепостей. И тогда наш разгром будет уже неизбежен. Не знаю, что тогда придется выбрать – смерть или бегство.

– Разве я говорил о походах? Нет, время империи нужно для иного. Для подготовки мирного договора.

– Самуил не будет слушать моих посланников. Он не верит ни империи, ни мне. Царь оскорблен и жаждет мести...

Повисшее молчание довольно долго не решался нарушить ни один из собеседников. Император не хотел вспоминать о

собственной ошибке. Ну а патриарх не желал беречь довольно свежие раны повелителя империи. Понимал, что это сейчас ни к чему хорошему не приведет. Однако продолжать тяжелый разговор было необходимо. Поэтому именно Хрисоверг разорвал повисшее в воздухе нездоровое молчание:

– Для мира нужна третья сторона. Посредник, которому бы поверили болгары. Такой, который готов сдерживать свои обещания. И кому мы сможем дать нечто, для него ценное.

– Император Оттон Третий? Я бы не стал ему верить. Не ему, конечно, он всего лишь мальчишка. Его матери и бабке, которые на правах регентш управляют Священной Римской империей.

– Я тоже не стал бы, порфирородный. К тому же нам нечего ему дать из того, что не было бы важным для империи. Зато есть Русь и ее князь Хальфдан Мрачный.

– Если это шутка, то она неудачная!

Василий пристально буравил взглядом патриарха Николая Хрисоверга, но не мог найти ни малейшего следа усмешки. Похоже, тот и впрямь был серьезен, предлагая в качестве посредника киевского князя. Но вот причины этого никак не желали укладываться внутри императорской головы. Однако ему их стали излагать, не дожидаясь прямого вопроса.

– Хальфдан будет лучшим выбором из всего худшего, что имеется. Ему поверят болгары, они помнят время князя Святослава. И можем верить мы, пусть и частично. Хальфдан Мрачный сам загнал себя в ловушку честности всем сво-

им недолгим, но ярким правлением. Он может интриговать, убивать противников, отбрасывая все писанные правила и неписанные традиции. Но никогда не станет нарушать данное им слово. Он слишком близок со своими жрецами, чуть ли не один из них. В этом князь Киевский схож с Олегом Вещим. Тем самым...

– Не напоминай о нем! – Василий с такой яростью ударил по подлокотнику кресла, что изукрашенное тонкой резьбой дерево жалобно хрустнуло, пошли змеящиеся трещины. – Захватить столицу империи, взять огромный выкуп и диктовать империи столь унижительный мир... Это невыносимо вспоминать!

– Прошу простить меня за неприятные воспоминания, базилевс. Но их не избежать, когда разговор заходит о россах, – с искренней печалью в голосе повинился Хрисоверг. – Я всего лишь хотел напомнить об их нынешнем повелителе...

– Не извиняйся, Хрисоверг, я это понимаю. И все же избегай упоминания того имени. Да будет проклята его душа, этого жреца-идолопоклонника! Пусть он вечно пребывает в аду, не ведая ни единого мига свободы от мук!

– Как будет угодно порфирородному, – встав, патриарх поклонился владыке империи, после чего вновь устроился в кресле. Стоять ему, в силу почтенного возраста и болезней, было уже сложновато. – Я лишь напоминаю, что слову князя россов, в случае его получения, можно верить. И заплатить у нас есть чем.

– Золото еще есть...

– Его Хальфдан не возьмет, сочтет слишком малой платой. Да и его сокровищница полна, раздувшись от постоянно пополняемой в набегах добычи. Банды этих его варягов рыщут по всем закоулкам, на боевых кораблях рассекают моря и реки. А жаль, – сокрушенно покачал головой Николай Хрисоверг. – Но у нас найдется чем заплатить. И главное, что она, оплата, империи не принадлежит. Но о ней после. Сейчас важнее обсудить посланника.

– Любой бездельник из тех, кто вертится при дворце. Только чтобы был достаточно знатен и не слишком глуп. Все что от него требуется – передать послание. Да с этим любой кентарх, командир центурии, справится!

Хрисоверг привычно удержал себя от видимых проявлений эмоций. Вот уже в который раз он убеждался, что насколько его базилевс одарен в делах военных, настолько далек от дипломатии. Хорошо еще то, что в финансах он разбирался достаточно, чтобы видеть и понимать происходящее в империи.

– Для империи лучше, если предложение князю Хальфдану будет передано через посторонних людей. Но это не главное. Дело в том... Заранее прошу прощения у порфирородного...

– Говори!

– По вашему соизволению. Империя должна быть вечной, а люди смертны. А у вас так и не появилось наследника, вы

даже не женаты. Я смиренно прошу прощения, но даже при отсутствии желания долг базилевса...

– Оставим это!

– Не могу, – к удивлению Василия, послушался патриарх. – Будь положение империи устойчиво, я взял бы на себя грех молчания. Но не теперь, когда власть зашаталась под ударами врагов внешних и внутренних. вспомните, кто сейчас является вашим преемником. А затем подумайте, к чему он может привести империю? И есть ли иные близкие родственники мужеска роду или женского, но с мужьями, способными взять на себя бремя базилевса?

Последние слова заставили Василия не просто воздержаться от проявления императорского гнева, но и всерьез задуматься. А задумавшись, он вынужден был признать, что Хрисоверг во многом прав.

Наследник трона был слаб. Младший брат Василия, Константин, с детства отличался робостью и одновременно подозрительностью. Войдя же в возраст, постоянно видел вокруг себя следы мнимых заговоров и покушений, вечно требуя от него, Василия, строгих кар. Окажись он на троне в нынешнее непростое время, империя развалится очень быстро. Правитель может быть жесток, но лишь тогда, когда его власть опирается не только на страх и кровь, но и на что-то другое. Нет, патриарх прав, нынешний наследник ни к чему хорошему Византию не приведет.

Дети Константина... О них нельзя было сказать ни хоро-

шего, ни плохого по причине малолетства. Три девочки: Евдокия, Зоя и Феодора. Старшей было всего одиннадцать лет, другие и того младше. Ни о каком замужестве и речи пока не шло. Возможно, стоит заранее обдумать личности будущих мужей, но это дело далекого будущего, а не нынешних дней.

Василий понимал обеспокоенность и патриарха, и иных своих приближенных насчет отсутствия жены и детей, даже внебрачных. Понимал, но ничего не мог с собой поделать. Его абсолютно не интересовали женщины. Да и мужчины тоже. Эта сторона жизни была целиком чужда, и поделать с этим он ничего не мог. Но наследник был нужен. И сейчас не абы какой, а способный хотя бы удержать империю от распада в случае чего. Ведь жизнь воина, которым он небезосновательно себя считал, полна опасностей. Поэтому он и произнес:

– Я не смогу иметь детей. Ты знаешь. Брат слаб, его дочери молоды... Говори, если есть что сказать.

– Есть еще одна ветвь твоей династии, идущей от Василия Македонянина. Ваша сестра Анна, сейчас княгиня Тмутараканская. Она также порфирородная, дитя императора, рожденное во время правления. Ваша сестра тоже имеет право наследовать престол. И у нее уже есть дочь, Мария, доказывающая, что она не бесплодна, что у нее могут быть и другие дети. К тому же она замужем за независимым правителем, пусть и зависимым от нас.

– Потерявший почти всю свою власть изгнанник, зацепив-

шийся за последний клочок некогда принадлежавших ему владений, – презрительно фыркнул Василий. – Он неудачник, проигравший. Орудие в моих руках, озлобленное и пораженное страхом, словно железо ржавчиной.

– Но даже он, базилевс, оказывается более достойным, чем ваш брат. К тому же, случись что, ему уготована не власть, а лишь положение мужа императрицы. Такое случилось. А его соплеменники могут стать отдельными отрядами, преданными престолу хотя бы из-за своей чуждости византийскому двору. У них не будет связей, не будет покровителей, кроме самой императрицы. Императрицы Анны или же ее еще нерожденного сына. Когда-нибудь потом. Лет через тридцать – сорок, которые, как я надеюсь и за что возношу молитвы, вы останетесь живы и здоровы.

Василий умел слушать. И еще был способен обдумывать предложения даже своих недругов. Не говоря уже о столь надежных и верных людях, как сам патриарх константинопольский. И чем дольше он обдумывал сказанное Хрисовергом, тем больше здравого смысла видел. Ведь если выбирать между никчемным братом и умной, деятельной сестрой, то выбор для него очевиден. Ведь интересы императора Василия II и интересы империи есть одно целое.

К тому же умирать он точно не собирался. Это все так, подготовка к самому худшему из возможного, ведь волю богов невозможно предвидеть, что бы на сей счет ни говорили разные демонопоклонники. Славяне же и скандинавы из не

принявших истинного Бога и вовсе считают, что люди способны менять уготованные Богом судьбы. Глупцы!

Долгие годы, которые он надеялся оставаться на троне... Может, к тому времени дочери его брата выйдут замуж за достойных их мужчин, а от этих браков будут дети. Мальчишки, вырастающие в наследников трона империи. Но все это потом, сейчас же, Хрисоверг прав, Анна будет лучшим выбором. Решено. Вот только...

– Для всех мой брат – соправитель. Пусть на деле это не так, но все же это нельзя не замечать.

– Он отречется, – глядя в пол, тихо произнес патриарх. – Его робость будет тому ручательством. Но я хотел бы поговорить об Анне, вашей сестре.

– Я дал свое согласие.

– Дали, – эхом отозвался патриарх. – Но есть еще и ее муж, князь Владимир. Конечно, вы можете просто приказывать ему. Он полностью зависит от вашей милости, она залог остатков его власти. Но облагодетельствованные таким образом почти никогда не чувствуют себя обязанными. Зато норовят при первой возможности укунить за пятку или вонзить кинжал в спину. Но это поправимо. Выслушайте пришедшее мне на ум, базилевс, и скажите, что вы об этом думаете.

Базилевса откровенно мучило от одной мысли о необходимости столь неприятных шагов. Но разум, закаленный годами правления, брал верх над эмоциями. К сожалению, даже правителю могучей империи не дано отмахнуться от

идущих из глубины души чувств. Давать хотя бы тень власти славянину, ограниченному и примитивному варвару... Кровь многих поколений предков кипела. Бунтовала, не желая допускать ничего подобного. Но разум ее подавлял, понимая необходимость принятия сего сложного решения. И до чего хотелось напиться. Оглушив себя крепким вином, забиться хотя бы на время. Только даже этого было нельзя делать. Ясность мыслей жизненно важна, особенно теперь.

– Твои слова мудры, Хрисоверг, – с усилием произнес император. – Вот только почему мудрость так часто имеет горький вкус?

– На все Божья воля, порфирородный. Каждому он посылает испытания, мы должны лишь смиренно принимать их. И делать то, что нам суждено. Вам – хранить империю. Всеми силами и средствами. Мне же – молиться за успех этого благого дела.

– Хорошо, я не стану просто приказывать этому... Владимиру. Он получит то, что даст ему уверенность в собственной значимости. И не только ему, но и всем значимым людям империи. Вот только что именно дать? Если только доверить ему вести переговоры с Самуилом...

– Это было бы опрометчиво, порфирородный, – тяжело вздохнул патриарх, после чего, дождавшись разрешающего жеста, продолжил: – Князь Хальфдан может при виде им же свергнутого предшественника не удержаться от искушения и...

– Убьет? Да. Ты прав, от этих дикарей этого можно ожидать.

– И снова нет, император! Среди русских язычников убийство переговорщика – унижительный поступок. Но от соблазна выставить вашего зятя полным ничтожеством и предателем собственного народа Хальфдан Мрачный не устоит. А это унизит и империю. Сильно. К тому же Самуил если и будет с кем говорить, то с византийским императором, а не с мужем его сестры-соправительницы. Это политика.

Василий II лишь кивнул, соглашаясь со старым и умудренным годами жизни Хрисовергом. Действительно, все может случиться именно так, как он говорит. А это будет плохо для империи. Что ж, не быть Владимиру его полномочным представителем. Тогда остается только одно.

– Во время нашего отсутствия Владимир Тмутараканский будет беречь Константинополь от происков врагов, – медленно, но уверенно вымолвил базилевс. – Ему будет приказано явиться сюда с моей сестрой и в сопровождении всех свободных воинов. А еще лучше – заменим и несвободных на те наши войска, что не слишком надежны.

– Это мудро, – согласился патриарх со своим повелителем. – Славяне чужие в Константинополе, людям Варды Фоки к ним не подобраться. В большинстве случаев их даже не поймут из-за незнания нашего языка. И еще нужен будет ваш приказ о даровании Владимиру громкого звания, помимо положения мужа соправительницы.

– Реши это сам, Хрисоверг, – отмахнулся Василий. – Поручаю тебе все, связанное с этим... делом. У меня же есть иные заботы. Пока что империя находится меж двух огней. И мне предстоит если не погасить их, то хотя бы сдержать на время.

Глава 3

Март (бересень), 989 год. Киев

Март в этом году выдался холодный. Да что там, снег как был, так и продолжал быть, разве что самую малость потеплело. Впрочем, самое начало месяца, весна лишь по дате. Но не по сути. И все равно не самое лучшее время года, и это я еще мягко выражаюсь. Надоели холода, хочу весенних дождей, распускающейся листвы, возможности высунуться на свежий воздух без шубы и шапки. Хочу, да вот только толку от моего желания ноль. Без палочки! Тут мне не там, где можно было заказать билет на самолет и отправиться греть подмороженную тушку в далекие тропические страны или на острова с прелестным климатом, что находятся буквально посреди океана.

Ладно, это я так, ворчу помаленьку. Ведь по сути дела идут отлично, планов громадье. Причем некоторые из них отличаются и вовсе грандиозным размахом. А покамест самый животрепещущий из них – затея относительно посредничества между Болгарией и Византией.

Конечно же все это держится в глубокой тайне от всех и вся. Да что там, даже прибытие посла секретится по полной. А он, клятый старый лис и двойной агент Доброга, уже прибыл и даже попал в цепкие лапы Бешеного. Аккурат со вчерашнего дня из бывшего главы Тайной Стражи нынешний

глава тщательно и со вкусом выдавливает всю нужную информацию. И лишь в скором времени допустит его до беседы со мной. Соображения безопасности, чтоб им пусто было, но не только они. Таким типусам как Доброга, надо всегда напоминать, кто здесь главный! Иначе начнут сначала вилять, потом наглеть. А потом... да что там далеко ходить за примерами, ведь предал он своего бывшего хозяина, причем даже не задумываясь, едва только положение Владимира стало шатким. Сначала двойная игра, а потом... Забавно это, если со стороны смотреть.

Впрочем, пора собираться, «посла» встречать. Но не в одном из дворцовых залов, ведь он тут почти что тайно нарисовался, так что официоз не требуется. Лучше на свежем, пусть и морозном, воздухе. Одна из находящихся в пределах дворцового комплекса тренировочная площадка как раз подойдет. Пусть Доброга посмотрит на давно знакомые тренировки варягов, заново вспомнит то ощущение мощи, которое всегда накатывает, когда воочию наблюдаешь за всем этим. Конечно, еще сильнее эти ощущения на поле боя, но подобное сейчас нереально.

Одно жаль – Змейка сейчас мне компанию не составит. Сейчас с близняшками возится и отрываться от них ради какого-то там Доброги не собирается. Об их здоровье беспокоится, хотя как по мне, так никакого серьезного повода даже не просматривается. Но материнский инстинкт, да еще в исполнении моей очаровательной валькирии – это нечто. Зара-

нее сочувствую всем мамкам-нянькам, под чьей неусыпной опекой находятся близняшки. Они ж Роксану боятся до стука зубов и слабости в ногах, хотя та, помимо слов, ничего в их адрес и не учинила.

Меч с кинжалом на поясе, максимально облегченная, но не утратившая крепости броня тоже на своем месте. Ну и телохранители, появившиеся сразу, как только я вышел за пределы своих покоев. Также, так сказать, часть амуниции, положение обязывает, да и необходимость никто не отменял. Врагов у меня, Хальфдана Мрачного, много. И, что особо характерно, количество их покамест только растет. Знак успешности в какой-то мере. Неудачников здесь не ненавидят, их всего лишь презирают.

Ба, какие люди... и тоже с охраной. Гуннар Бешеный собственной персоной, рожа озабоченная, но вместе с тем крайне довольная.

– Здрав будь, Мрачный! – громогласно поприветствовал он меня, оказавшись рядом, и тут же снизил громкость почти до шепота. – Хорошо, что нашел тебя еще до того, как ты на встречу с Добройой пошел.

– Да ну? Все равно там бы и встретились. А если нужно что перед встречей сказать, ты бы и, не застав меня тут, бедного Доброгу запер бы в чулане и держал там до нужного времени.

Откровенно заржал Гуннар, заухмылялись хирдманы охраны. Никак не привыкнут к странноватому для нынеш-

него времени чувству юмора своего ярла. Не привыкнут, но оно им явно нравится. А я что, мне оно тем паче забавно.

– Это верно, брат. Но лучше вот так вот, по дороге поговорить.

– Не спорю. Так что давай, поведай то самое. Особо важное и интересное. У тебя ж на лице написано, что от Доброги нечто особенное узнать удалось.

– У базилевса Василия все совсем плохо, даже хуже, чем я думал. Война с Самуилом, мятеж Варды, а еще начались перешептывания насчет отсутствия достойного наследника. Детей-то у него нет. Говорят, в детстве себе кое-что отшиб или отморозил, но с тех пор его постельные утехи вообще не интересуют. Да и просто ничего не может он там.

– Такие слухи давно ходят, – слегка скривился я, вспоминая читанное еще много лет назад. – Но раньше это никого не беспокоило. А сейчас значит...

– Да, именно сейчас. Империя зашаталась. Вот и решил базилевс своего братца из соправителей убрать. А на его место сестрицу поставить. Понимаешь, о чем я толкую?

Вот это фокус! От неожиданности я сбился с шага и чуть было не замер соляным столбом посреди коридора. Помотал головой, пытаюсь прийти в себя от такого вот известия, после чего вновь выровнял шаг. Да уж, от подобных новостей лично мне ничего хорошего не светит.

– Владимир в Тмутаракани – невелика проблема. А вот он же как муж соправительницы ромейского базилевса... Тут

уже могут возникнуть сложности.

– Вот и я беспокоюсь, Мрачный. Не дай Локи, случится что с базилевсом Василием, тогда Византия становится еще более недружественной, чем обычно.

– Не стоит о плохом, которое всего лишь может наступить. Не искушай богов, особенно затейника Локи. Магнус об этом поболее меня рассказать может.

– Знаю.

– Это хорошо, – выйдя на свежий воздух, я чуть дернулся от порыва холодного ветра. Погода, млин, «бодрила и радовала». – Что-нибудь еще из числа особо важного?

– Нет. К счастью, на этом все. Разве что, помимо нас двоих, Рогнеда напросилась. Приятно ей посмотреть на некогда опасного для нее человека. Женские штучки...

– Они самые.

Вновь на ум пришла Змейка. Вот уж у нее мысли порой бродили по совсем причудливым траекториям. Сплетение чисто женских заморочек и особенностей девы-воительницы, отягощенное моим влиянием родом из далекого будущего. Адский коктейль! Так что на ее фоне Рогнеда – это так, мелочи жизни.

– А с Рогнедой, брат, все сложно, – не унимался Бешеный. – Я-то сейчас вижу, а скоро многие заметят ее к тебе интерес.

– Сохрани Один от подобного, – тяжело вздохнул я, понимая, что одного этого будет явно недостаточно. – У меня

Змейка, а у нее, помимо всего прочего, детки от Владимира. На кой ляд мне подобные сложности?

– Мое дело сказать. Ты ярл, ты и думай.

– Тоже верно. Да, я надеюсь, что Доброга увидит ОБЫЧНЫЕ учебные поединки и прочее?

– Само собой, – изобразил негодование Бешеный. – Кто ж ему, гадюке подколодной, тайны открывать станет. Никакого нового оружия, лишь привычные мечи, щиты да бывшие его собратья. Разве что потоки презрения на своей шкуре почувствует, ну да то не наша забота.

Это верно, не наша. Более того, мне будет хоть малость, да приятно понаблюдать, как будет корчить бывшего главу Тайной Стражи. И плевать, что он сейчас наш агент, гнилое его нутро от этого не очистится.

Пришли. Знакомое и привычное зрелище тренирующихся варягов. Большая часть из них ко всему прочему лично знакома. Да-да, те самые, из числа еще того переяславского хирда. Личная, так сказать, гвардия, доверенно-перепроверенные, связанные клятвами на клинках и крови. Те самые, которые прошли годы битв, путь к власти, ее защиту. Надеюсь, что и в дальнейшем все будет складываться столь же успешно.

Глазастые, однако. Сразу завидели мою персону. Разумеется, никаких парадных приветствий, среди варяжской братии это не особо принято. Но пару раз стукнуть клинком о щит или схожим образом проявить уважение не к князю Ки-

ева, а к их ярлу – это они завсегда. А вот Доброги пока еще нет, чему особо удивляться не стоит. Гуннар все рассчитывает наперед. Сначала прибываем мы, а лишь потом приводят его.

Зато Рогнеда тут как тут. Раскрасневшаяся от мороза, с ноги на ногу переступает. Но это уже не от погоды, от нетерпения увидеть старого и не очень приятного знаконца. Вот такой вот собрался «комитет по встрече» – крайне малочисленный, но достаточный для поставленных целей. Только вот...

– Рогнеда, ты сегодня красива до такой степени, что я боюсь за своих воинов. Того и гляди будут больше внимания уделять женской красоте, а не клинку в руке соперника.

– Не льстите мне, князь... Далеко не все, – по лицу бывшей княгини Полоцкой было видно, что комплимент пришелся по душе.

– Да, все верно. Наши девы-воительницы если и посмотрят, то с долей зависти во взглядах.

Тут Рогнеда лишь улыбнулась. Она довольно неплохо знала о девушках, подобных Змейке. В том числе и о том, что те... не слишком гнались за красотой утонченного типа. Предпочитали совсем другие образы. По крайней мере, большая их часть. Впрочем, женская душа – те еще потемки, особенно в подобных областях. Как в двадцать первом веке, так и здесь.

Я хотел было продолжить перекидывание репликами с Ро-

гнедой, но слова Гуннара заставили отвлечься от сего довольно приятного занятия и переключиться на то, ради чего мы здесь и оказались.

– Доброгу ведут.

Хм, а ведь так оно и есть. Идет-то он сам, но под такой «почетной охраной», которую иначе как конвоем я лично не назвал бы. И в глазах у той четверки хирдманов неприкрытое желание свернуть шею бывшему главе Тайной Стражи. И это еще в самом гуманном для того варианте. Остальные варианты я даже представлять себе не хочу, слишком много там будет откровенного «мяса», причем такого, от чего многим садистам заплочееет. Что поделать, не любят сохранившие верность исконным богам и традициям варяги таких вот... переметчиков. И плевать им на то, что он «и нашим, и вашим». Они парни простые, а их естественные душевные порывы достойны уважения. Это таким, как я и Гуннар, по своему положению приходится увлеченно копаться в куче дерьма, что именуется политикой. Так что, как говорил один мультяшный пингвин: «Улыбаемся и машем!» – С возвращением тебя в родные края, Доброга, – изображая искреннюю улыбку, произнес я. – Я тут подумал, что всякие дворцовые залы будут слишком привлекать внимание. Ну а тайные каморы в дворцовых подземельях под усиленной охраной... Грубо и одновременно неуважительно ко всем нам. Лучше уж так, на свежем воздухе, среди достойных людей. К тому же и болтать они не приучены. Не раз проверено.

– Ты тут правишь, великий князь, – не моргнув глазом отозвался Доброга. А потом еще и поклонился в пояс, признавая мою над собой власть. – Склоняю перед тобой голову. Но точно ли тут... безопасно? Не в смысле, что стрела просвистит, а насчет...

– Хирдманы еще с Переяславля. Большая часть – личная охрана конунга Хальфдана Мрачного, его семьи и побратимов. Моя в том числе. Успокоился?

На это высказывание Бешеного Доброге возразить было нечем. Старый и матерый лис понимал, что личная охрана правителя – это и впрямь серьезно. Приученные видеть и слышать, но молчать при любых обстоятельствах. Вернейшие из верных.

Зато присутствие Рогнеды нашего долгожданного гостя... нервировало. Более того, откровенно пугало. Больно уж она него пристально смотрела чуть ли не с гастрономическим интересом. Давнее знакомство с не слишком хорошими воспоминаниями, что тут еще скажешь.

Спустя несколько минут и нескольких фраз «ни о чем» настала пора перейти к делу. К делам, если точнее. Доброга, как я понял, был уже приведен в наиболее выгодное для нас состояние. Долгие беседы с Гуннаром, вид хирдманов, смотрящих на него с такой же гадливостью, как на таракана, присутствие Рогнеды, также не лучшая мишень для миролюбия... Самое оно для морального подавления объекта!

– Гуннар мне многое уже передал, в том числе и о грядущем...

щем возвышении Владимира Тмутараканского, – заметил я, глядя не на посланника и одновременно нашего агента, а на тренирующихся хирдманов. – Мои поздравления передавать не стоит, он в них все равно не поверит. Зато можешь передать пожелания сидеть в Византии тихо и нос наружу не казать. А особенно не выпускать оттуда своего дядюшку. Кстати, как он там?

– В добром здравии и великой злобе. Пытается показать себя более ревностным христианином, чем сам царьградский главный жрец. Старается расширить земли Тмутаракани, стравливая племена касогов, используя при том наемников. Останавливает лишь малая доля злата в княжеской казне. Точнее останавливала, сейчас все может сильно измениться.

– Хорошо бы ему умереть, – задумчиво протянул Гуннар. – Совершенно обычным образом, свалившись с коня или вином опившись. Подумай над этим, Доброга. Тебе эта смерть тоже полезна будет. Сейчас ты лишь один из доверенных людей Владимира, а можешь стать самым доверенным.

– Я... подумаю.

Сама идея избавиться от столь вредного нам Добрыни не вызвала у Доброги душевного дискомфорта, но вот столь непосредственное озвучивание... Бедняга даже чуть не промахнулся, присаживаясь на один из используемых вместо стульев чурбаков. А было бы забавно, если б промахнулся. Например, раздался бы искренний смех Рогнеды. Эх, мечты!

В любом случае мысль озвучена, отторжения у объекта не вызвала. Вот пусть он теперь как следует поразмыслит. Надумает что полезное, сам поделится. Знает, что в столь полезном начинании мы ему точно посодеествуем. А пока...

– Ты, Доброга, не сидеть сюда пришел, а по делам. Так что давай сначала решим насчет переговоров между царем Самуилом и ромейским базилевсом, – начал я. – В общем, с задумкой насчет переговоров мы согласны, готовы даже место предложить, которое должно устроить как Самуила, так и нас. Ты такой град Переяславец помнишь? Тот самый, что на землях болгар, но близко к порубежью Руси.

– Помню, – незамедлительно отозвался посланник от ромеев. – Удобно для Самуила, совсем хорошо для вас, но с чего базилевсу соглашаться на это место? Может не поверить, что, прибыв туда, уедет обратно живым и невредимым.

– Уедет. У него будет мое слово, собственное сопровождение в пять сотен воинов и близость росских земель, случись что непредвиденное.

– И ты будешь защищать базилевса?..

– Князь Хальфдан ценит свое слово, – холодно процедил Гуннар. – И не какому-то там базилевсу, замешанному во многих клятвопреступлениях и гнусностях, в этом сомневаться. К слову, он и притягивает к себе такую же гнусь, как коровья лепешка – стаи зеленых мух. И самая жирная муха на сей день – князь Владимир. Прекращай вилять, Доброга, вспоминай, кто отдает тебе приказы – Владимир или мы.

Доброга понимал, что его истинные хозяева здесь, во граде Киеве. Вот и не рыпался, зная, что нескольких слов и малой грамотки в нужные руки будет достаточно, чтобы Владимир вкупе со своим дядюшкой долго и затейливо рвали предателя в застенках. А заодно и его близких, по славным ромейским обычаям, которые переняли легко и с наслаждением. Ведь обычаи эти для некоторых очень близки, ибо позволяют отбросить в сторону такие понятия, как честь, гордость, забыть о принципах и многих поколениях предков.

Гуннар снимал с Доброги тонкую, завивающуюся на зимнем солнышке стружку, не обращая внимания на периодически раздающиеся попискивания. А если без метафор, то выбивал наиболее удобные для нас условия. Впрочем, делал это аккуратно, чтобы нашего двойного агента не заподозрили ни в чем этаким. Рогнеда с удовольствием наблюдала за «процедурой», иногда вставляя ядовитые словечки. Ну а мне оставалось лишь парой слов подтверждать принимаемые решения. И лишь после утрясания главного вопроса начать выяснять интересное лично мне. Те нюансы, о которых Бешеный просто не мог догадаться порасспрашивать. Образ мыслей не тот. Время не то.

– Может ли нынешний пока еще соправитель Василия, его младший брат Константин, начать свою игру? К примеру, договориться с Вардой?

– Нет. Он слаб, труслив, в вечном страхе за свою жизнь, – не колеблясь ни мгновения, ответил Доброга. – Отречется и

забьется в нору. Ну скроется в одной из своих вилл, окружив себя наемниками, и будет тоскливо выть на луну, пока не уверится, что его не хотят отравить или зарезать.

– А что, действительно не хотят?

– Никому не нужно. Он слаб, управляем, хоть и жесток от той же слабости. Всем выгоден был такой соправитель. А перестав им быть, он становится просто пустым местом. Его могут убить, но лишь после смерти Василия. Так, на всякий случай. И сделает это скорее всего Анна, жена Владимира.

Забавно. Вот только, несмотря на юмор ситуации, предположение Доброги выглядит до ежиков логично. Это в знакомой мне ветке истории Анна оказалась инструментом в политической игре, а не самостоятельным игроком. Здесь же, с учетом изменившихся нюансов, у нее появился шанс вылезти на первые роли. Ну а наш агент еще и лично с ней знаком, значит, может делать определенные выводы. И сделал, после чего принес нам в клювике. И вот еще что...

– Отношения между Анной и Владимиром, какие они?

– Спокойные. Без тени чувств, оба воспринимают этот союз как необходимый обоим. А сейчас еще и как путь к власти для одной и к восстановлению былого величия для другого.

– Для нас было бы лучше нечто иное, – скривился Гуннар, понимая, что на отсутствии чувств и свары не раздуть. – Но ты все же жди, следи, сообщай.

– погоди, – внезапно вскинулась Рогнеда. И я уже знал, о чем она спросит. – Мой сын. Что с ним?

Ну все, сейчас ей настроение быстро на ноль помножат. В очередной раз, что характерно. Всем кроме нее было ясно, что Всеволод находится под абсолютным влиянием своего отца и за прошедшее время ничего к лучшему не поменялось. Разве что к худшему. Владимир Святославович вкупе с Добрыней усердно выковывали из того возможное орудие мести. Раздувалась повышенная ненависть к тем, кто являлся причиной лишения власти над обширными и богатыми русскими землями. Да еще и приправлялось наличием среди наставников парочки христианских священников фанатичного образца. В общем, разжигание ненависти к «язычникам и демонопоклонникам» шло полным ходом. Жестко, цинично, но... эффективно. Чего-чего, а ума у Добрыни не отнять. Ну а практически всегда слушающийся его племянник, Владимир Святославович Тмутараканский, лишь закреплял в реальности идеи своего родича и главного советника.

Вскоре Рогнеда, выслушавшая ожидаемую всеми, кроме нее самой, порцию неприятных вестей о сыне, удалилась. Понимаю, такое лучше переваривать в одиночестве или в компании, кхм, одноразового партнера. Скорее всего будет именно последнее, благо Рогнеда женщина красивая, а такой не составляет ни малейшего труда отловить случайного хирдмана по дороге в собственные покои.

А у оставшихся оставались дела. Та самая шлифовка, доведение до ума договоренностей насчет желаемого времени, воинских сил, сопровождающих каждого из участников,

приблизительное устройство полнейшего нейтралитета Переяславца и все в этом роде. Долго, нудно, но без этого никуда.

* * *

Мы обсуждали, а пара хирдманов из числа наиболее ловко и быстро пишущих, скребли перьями по бумаге. Потом из этих набросков родится столь нужный документ. Родившись же, отправится на окончательное согласование и подпись к царю Самуилу и базилевсу Василию II. Только после этого место, время и общий ход проведения переговоров будут официально объявлены. Да-а, хлопотная ты наука, дипломатия. Зато полезная. Верно говорят, что порой перо оказывается эффективнее меча.

Дипломатия... Новый Йомсборг, спешно воздвигаемый на землях ливских племен. Да, те самые буйные йомсвикинги, что путем дипломатических интриг начали становиться таким форпостом на Балтике. Полезным, нужным форпостом. И с этими союзниками еще долгое время придется обращаться максимально бережно, как с хрупкой фарфоровой вазой.

Союз венецких племен. Лютичи, бодричи, ободриты, а также иные, что помельче, но той же веры, того же языка и крови. И с тем же нежеланием склонять головы под меч и крест посланцев Рима в целом, а также германских и поль-

ского князей в частности. Не зря они прислали к нам общего от всего племенного союза посланника, который был встречен со всем почетом, ничуть не хуже, чем посол той же Польши или Болгарии. Хотя нет. Не так. Послу венедов показали. Что он ценен и важен, а еще союзен, в отличие от других. И эти самые «другие» тоже все хорошо поняли. Дураков в Киеве держать не принято, иначе вместо истины получают правители иных стран немалое количество отборной лапши на уши. И будут до-олго кушать неизвестное здесь по названию, но понятное по сути блюдо из обмана.

В общем, явление ко двору венедского посла стало очередной оплеухой многим европейским властителям. Ну а как же, ведь венеды – дикие племена, варвары, которых пытались «к их же благу» сделать частью христианского мира, пусть и против воли и в качестве покорных слуг назначенных князей. А вот не вышло... Потому и злобятся, вспоминая 983 год и то кровавое восстание, во время которого уничтожались почувствовавшие было себя неуязвимыми захватчики, резались предатели и соглашатели из числа славян. Заодно «множились на ноль» спешно выстроенные твердыни христианского мира: церкви, монастыри... Жаль только, что наступательный порыв венедских племен захлебнулся, не смогли они прорваться совсем уж в глубину вражеских земель. А помощи никто не прислал. Да, это очередной камень в огород того, кто ранее сидел на Киевском престоле. Ведь тогда всем было ясно, что еще небольшое усилие и удаст-

ся не просто вернуть завоеванное для Священной Римской империи Оттоном I Великим, но и откусить еще кусок земли в пользу хоть венедов, хоть того, кто придет им на помощь. Венедские вожди не поскупились бы, одаря союзников. Но нет! И не поймешь теперь, что остановило Владимира – опаска или заранее имеющиеся планы насчет нежелания ссориться с христианскими странами.

Ну да ладно, это дела минувшие, да к тому же я к ним отношения никакого не имел. Не было меня тогда здесь. Зато теперь в Киеве посольство венедов и глава его – Земо-мысл по прозванию Гневный. Могучий воин, умный человек, пользующийся влиянием и уважением среди племен венедского союза. Вот только дипломат из него, как из меня игрок на гусях!

Это печалило. Слишком уж шумно и громко он себя вел, особенно при встречах с посланниками иных земель. Тех самых, которые имели отношение к бедам его сородичей. И порой такое начиналось, от чего тот же Магнус за голову хватался. Простое «бряцание оружием», откровенные угрозы, обещания оторвать головы всем и вся, включая Мешко Пяста и Оттона III. Шума было много, вреда – тоже. А ведь умный человек, но совершенно не контролирующийся свои естественные душевные порывы.

Надо признать, причины у него все же были. Постоянные набеги подвластных Мешко Пясту князьков на земли венедов, порой переходящие в полноценные вторжения с участи-

ем великокняжеского войска. Но надо же и голову на плечах иметь! И не просто иметь, а разумно пользоваться ее наличием.

Земомысл же полностью оправдывал свое прозвание. Источал гнев и ярость по всем возможным направлениям, то и дело доставая даже меня. Сменить его так быстро возможности не было. Да и вообще он пользовался сильной поддержкой тех, кого я называл, по аналогии с родным временем, «суперястребами». Они ну очень сильно хотели, заручившись поддержкой Руси, немедленно начать полновесную такую войнушку. И втолковать этой части венедских лидеров, что всему свое время, было... чрезвычайно затруднительно. Отсюда и договор между Русью и Венедским союзом покамест заключили лишь торговый и самую малость оборонительный.

Что значит «самую малость оборонительный»? Да то и значит. Мы обязались вмешаться лишь в случае, если произойдет не рядовой набег с целью малость укусить и уйти либо попытка отхватить краешек земель, а лишь при полноценном таком вторжении с угрозой самого существования венедов как общности. Решение половинчатое, вынужденное. Но единственно реальное. Мы, после неслабой такой войны с печенегам, возможного похода на хазар и с угрозами со стороны Византии просто не могли тратить и так оскудевшие ресурсы на откровенные авантюры венедов.

Всему свое время. Вот щелкнем по носу хазарского кага-

на, причем наверняка хватит лишь угрозы для возвращения Белой Вежи и с ней денежного выкупа «за беспокойство» и пролитую кровь. Затем разобратся с затеей насчет переговоров между Болгарией и Византией... А вот потом можно будет сконцентрироваться и на подготовке к серьезной игре вокруг венедов. Но не просто так, а одновременно крепя оборону на новообразовавшихся южных рубежах. Всегда стоит быть готовым к любым неожиданностям. Не мы такие, мир вокруг нас такой. Какой? Кровавый, жестокий, не прощающий ошибок и вместе с тем до безумия интересный и завораживающий. И это мне нравится.

Глава 4

Май (травень), 989 год. Обуда, столица великого княжества Венгерского

Бруно, первый епископ земель венгерских, а заодно и верный сын бенедиктинского ордена, принимал у себя необычного гостя. Его посетил не кто иной как сам Майоль Ключонийский. Епископ Бруно знал о почтенных годах и одолевающих гостя болезнях. Равно как и то, что без веской причины тот бы не собрался в дорогу. Хотя появление не было неожиданным, отнюдь. Письмо от самого Папы Иоанна XV было весомым символом, хотя и без этого Бруно, считающий себя неотъемлемой частью Ордена святого Бенедикта, сделал бы все, что в его силах.

Сначала была обычная часть, то есть торжественная встреча. Молебен в храме за процветание святой веры и во вразумление погрязших во мраке язычества венгров. Ведь их князь Геза, несмотря на принятие веры в истинного Бога, продолжал приносить жертвы и идолам. Объяснение было простое и по-варварски прямолинейное: «Я достаточно богат, чтобы приносить жертвы как старым богам, так и новому богу».

Отговорка. Всем было ясно, что венгерский князь принял новую веру лишь для того, чтобы укрепить свое положение на троне. Очень неуютно он себя чувствовал, будучи почти

со всех сторон зажат христианскими правителями. Царство болгарское на юге, Польша на севере, Священная Римская империя на западе. Правда на востоке была Русь, но после смерти своего союзника Святослава после неудачного похода того на Византийскую империю... Геза просто-напросто опасался, что набирающее силу христианство и там проявит себя в полной мере. Да и плевать ему было на богов. Как на старых, так и на нового. Продолжал чтить старых, чтобы не вызывать ропота среди большей части воинов. Крестился сам и окрестил тех ближних, кто этому яро не противился, дабы задобрить Рим и избежать войн за веру. Сам же пользовался всеми средствами, чтобы укрепить собственную власть.

Ах да, была и еще одна причина. Геза очень не хотел, чтобы после его смерти вся власть досталась князю Копланю, следующему за ним по старшинству в роде Арпадов. Таковы уж были традиции у венгров – передавать власть старшему в роду. А вот в христианских странах уже давно естественным было, что правителю наследует старший сын. Ну или не старший, но все равно один из детей. Потому везде ищущий выгоду Геза использовал переход в христианство еще и для этой цели. Почти сразу после крещения было объявлено, что наследником теперь является старший сын правителя, Иштван, ставший в христианстве Стефаном.

В общем, Геза Арпад был многогранным, но очень серьезным человеком, с которым шутки плохи. Это понимали все,

равно как и то, что использовать такого красавца нужно было очень осторожно. Почувствует угрозу для себя, и не спасут вызвавшего это чувство ни принадлежность к духовенству, ни важное положение у себя на Родине.

Осознавал сложность своих задач и епископ Бруно. Но пока справлялся, да так, что и в Риме приятно удивлялись пославшие его сюда. Строились новые храмы, росло число обращенных в истинную веру, хотя и не так быстро, как хотелось бы. Однако служители Христа, а особенно бенедиктинцы, ждать умели. И вовсе не стремились рисковать, если того же результата можно было достигнуть пусть позже, зато без возможных проблем. Тем более, что Геза прислушивался к советам епископа, а тот еще ни разу не злоупотребил зародившимся доверием. Но вот теперь... Бруно не знал, чего потребует Майоль Ключийский. Не знал, зато догадывался, что ему могут преподнести любую неожиданность.

И вот время разговора пришло. Закончились молитвы, разошлись все лишние люди. Ну а сам Бруно в сопровождении братьев по ордену и одновременно охранников повел аббата Ключийского в свои комнаты. Там было абсолютно безопасно, никто из случайного народа не мог услышать то, что ему не предназначено.

– Что привело вас в Обуду, брат Майоль? – вежливо, но без особого воодушевления спросил епископ, стоило им оказаться одним. – Все идет хорошо, Геза не делает ничего, что пошло бы во вред нашей вере и Святому Престолу. Венгрия

не Польша. Сжигать язычников или даже их идолищ пока рано. Сделаем это, и князь будет вынужден прислушаться к своим воинам. Тогда будет не другом Рима, но врагом. Опасным, который сразу кинется искать себе союзников. А такие найдутся!

Майоль, слыша резкую отповедь епископа, прозвучавшую раньше, чем он сам успел что-либо сказать, тяжело вздохнул. Воздел глаза к небу, но наткнулся на потолок и перевел их на образ девы Марии. Пробормотал краткую молитву, призывавшую Господа вразумить тех неразумных братьев, которые спешат сильнее, чем то нужно. И это относилось вовсе не к епископу венгерскому. Брат Бруно все делал верно. Знал, когда время спешить, а когда затаиться. Зато некоторые другие то и дело пытались подталкивать умного слугу церкви в спину, стремясь получить желаемое как можно быстрее. Но сейчас не стоило занимать мысли теми, кто того не достоин. Требовалось успокоить собрата-бenedиктинца.

– Я верю тебе, брат. Верит и понтифик, приславший меня сюда. Он передал, что всем доволен, что рад присутствию среди венгров такого верного сына нашей матери-церкви. Но нужна помощь...

– Золото? Войско? – встрепенулся Бруно. Правая рука сжала висящий на груди массивный золотой крест, украшенный россыпью рубинов. – Князь Геза первого не даст, считая, что платят лишь побежденные. Второе зависит от того, куда будут направлены воины и какая ему будет с того выго-

да. Нет выгоды, и войска остаются на местах, а мое положение при дворе может пошатнуться. Мои слова могут быть излишне откровенны, но видит святой Бенедикт, лучше горькая правда, чем успокаивающая ложь. Она хороша лишь для смиренной паствы, но не для тех, кто призван Господом нашим вести ее в жизнь вечную.

– А вы все так же мудры и искушены в делах земных владык, брат Бруно! – одобрительно вымолвил Майоль. – Я успокою вас – Святому Престолу не нужно золото или воины от Гезы. Напротив, это мы можем дать ему золото. Или более того, увеличение силы и власти, которых он так жаждет. Ваше дело, брат Бруно, внушить ему выгоду от предложенного. И главное, чтобы Святой Престол не был упомянут.

Епископ был не то чтобы удивлен, скорее заинтригован. Добиваться желаемого чужими руками – естественный ход событий. Но чтобы непременно скрывать свое присутствие – подобное для Рима было не очень привычным делом. Хотя, зная Папу Иоанна XV, не стоило изумляться. Итальянцы из древних родов давно возвели коварство в ранг искусства. Уж сам Бруно это хорошо знал, будучи родом из тех же итальянских земель.

– Что мне надо внушить князю? И какое время у меня на это есть?

Лицо Майоля осталось бесстрастным, но глубоко в душе колыхнулось удовлетворение как от прозвучавших слов, так и от тона, коим они были произнесены. Епископ Венгрии

склонялся перед волей церкви, но делал это, не роняя собственного положения. Именно такие слуги и нужны Риму. Способные и главное желающие управлять светскими властителями, но делая это из-за спины, ненавязчиво диктуя волю Святого Престола. И лишь потом, когда положение церкви окончательно упрочится, можно будет выйти из тени. Во весь голос заявить о преобладании власти духовной над властью земной, светской.

– Верные рабы Божьи сообщили, что в скором времени состоятся переговоры между царством Болгарским и Византийской империей с целью установления мира и условий, на которых он будет заключен. Посредником на переговорах будет Хальфдан, князь Киевский. Все они встретятся в небольшом городе Переяславце, расположенном в болгарской земле, но близко к границе Руси.

– Внимаю вам, брат Майоль...

– Святому Престолу не нужен мир между Болгарией и Византией. Пусть эти еретики продолжают истощать силы друг друга. Еще опаснее возвышение князя Хальфдана как миротворца. От него и так слишком много проблем.

– Надо сорвать переговоры, – понятиливо кивнул епископ. – Только что может сделать князь Геза? Русь и Болгария граничат, византийцы доберутся на кораблях до Руси или Болгарии, а оставшийся путь пройдут по земле. А воевать с болгарами Геза не станет, не видя в этом ощутимой пользы и отсутствия опасности. Царь Самуил силен.

Сорвать переговоры... Майоль был доволен подобным умозаключением епископа. Раз тот, умный и проницательный слуга церкви, подумал именно так, то и другие умные люди пришли бы к схожим выводам. Если бы вообще о чем-то догадались. Но нет, у Папы Иоанна был совсем другой замысел, способный привести к куда более серьезным последствиям, чем простой срыв переговоров. И он заключался в...

– Понтифик желает не срыва переговоров, а уничтожения договаривающихся сторон. Но только сторон – царя Самуила и императора Василия. А вот князя Хальфдана можно оставить в живых.

– Зачем? – воскликнул епископ, пораженный замыслом Папы до глубины души. – Да, у нас серьезные расхождения с «восточной ветвью» веры, но убить христианских владык и пощадить язычника... Я не понимаю!

– Я вначале тоже не понимал, брат мой Бруно. Но викарий Христа мудр, а к тому же не таит открывшихся истин от своих верных слуг. Восточную ветвь веры надо ослабить, чтобы не случилось раскола, чтобы константинопольский патриарх вместе с духовными наставниками помельче прильнули к груди Рима, как того желает Господь наш. Бог простит нам невинных жертв, что необходимо принести на алтарь торжества веры. Ведь Он даже сыну своему позволил взойти на крест. Вспомни еще Авраама, готового сына-первенца, плоть свою и кровь, принести в жертву единому и истинному Богу. Нам ли идти против воли Его?

– Не нам, не нам! – истово перекрестился Бруно, после чего, встав на колени, сотворил молитву во вразумление и для смирения духа. После же, так и не поднимаясь с колен и не отводя взгляда от иконы, спросил: – Пусть жертвы христиан будут не напрасны, приближая торжество Рима. Души невинных, принявших смерть во имя веры Христовой, все равно прямо в райские кущи проследуют. Но этот язычник, к чему оставлять его в живых?

– Я отвечу. Если с Божьей помощью наш замысел удастся, то смерть князя Киевского приведет к тому, что на его месте окажется регентский совет из жены и этих, братьев по крови. Одни их прозвания в дрожь бросают. Бешеный, Петля, Змея... Неизвестно, что от них ожидать. Власть они удержат, но будут мстить за смерть своего князя. А вот кому? Может и Риму, их Тайная Стража хорошо работает, мы это уже заметили. Нет, пусть лучше Хальфдан сумеет уйти. Живой он будет удобнее. На него можно будет переложить некоторую часть вины за случившееся. Пусть восстанавливает свой облик честного и благородного правителя, всегда державшего свое слово. А мы, убрав его с шахматной доски, продолжим разыгрывать партию, ведущую к победе Рима. И это не мои слова, а слова наместника Бога на Земле, викария Христа, Папы Иоанна XV.

Епископ слушал слова собрата, посланного самим Папой, и постепенно проникался сутью замысла, который был непривычен, но вместе с тем сулил немалую пользу для их

общего дела, дела утверждения истинной веры. Но лишь при успехе. О провале даже думать не хотелось, настолько болезненный удар мог обрушиться на всех, кто будет ко всему этому причастен.

– Из кого же будет состоять войско, атакующее город, где будут проходить переговоры? Если Папа желает, чтобы руку Рима не было видно, то придется использовать других. Не князя Гезу. Но кого же тогда?

– Наемники, брат Бруно, но не любые. Здесь понтифик распорядился четко. И встаньте же с колен, брат! Я бы с радостью тоже преклонил колена, но немощное тело подводит меня. Раньше я бы не обратил внимания на слабую плоть, но приказ Папы гласит, чтобы я не смел изнурять свое немощное тело даже усиленными постами.

Услышав эту не то просьбу, не то приказ, епископ резво поднялся и посмотрел на аббата Ключийского. А выглядел тот действительно плохо. Бледное лицо, одышка, нездоровый блеск глаз. Видно было, что эта яркая персона, украшающая собой орден святого Бенедикта, вряд ли долго проживет. Год, два, пять? Последнее сомнительно. Теперь понятна была и забота Папы, не желающего лишиться одного из самых полезных и влиятельных своих слуг.

Сетуя на то, что не догадался о том раньше, епископ лично довел Майоля до ближайшего кресла, куда и усадил дорогого гостя. Хотел было позвать брата Луку, сведущего в целебных снадобьях, но остановился, побуждаемый к тому

однозначным повелением Майоля:

– Лишнее. Мне скоро понадобятся не лекарства, а заупокойные молитвы. Скоро уж Господь призовет к себе – держать ответ за сотворенное здесь, в нашем грешном мире. Но пока я еще тут, нельзя упускать столь дорогого времени. Оно утекает, подобно воде сквозь пальцы. Не удержать, да и негоже мне, ничтожному рабу Господа. Идти против предначертанного, – чувствуя, что в сидячем положении немного, но полегчало, аббат вернулся к главному. – О наемниках... Никаких венгров, это очевидно. Никто не поверит, что князь Геца решил ввязаться в войну с Болгарией, Византией и Русью одновременно. Да даже без Руси – все равно не поверят. Подошли бы йомсвикинги, но они теперь слишком тесно связаны с Хальфданом. Да и не хотят после известных событий иметь ничего общего с затеями христианских владык, особенно с такими.

– И кто остается? Поляки?

– Нельзя! – резко и непреклонно отверг предложение Майоль. – Влияние Рима на великого князя Польши слишком заметно. Да и недостоверно будет. Мешко Пяст ненавидит Хальфдана Мрачного и не оставил бы того в живых, появись возможность убить врага. А вот другие язычники... Люди охотно поверят в то, что одни идолопоклонники не тронули других. И особенно усердно разбираться станут далеко не все. А если кто и станет, то пусть увидят выгодное нам, служителям Господа.

– Венеды с покоренных германскими владетелями земель?

Аббат Клунийский благосклонно кивнул, радуясь догадливости брата по ордену. Германские маркграфы, владетели марок Лаузиц и Мейсен, вот кто должен был стать поставщиками наемного мяса. Не любого, а именно из числа венедов-язычников, каковые там еще были. И желательно не покорившиеся, а из числа все еще желающих вернуться в Венедский союз. Всего-то и нужно было, что направить их жажду деятельности в нужном направлении. Имелись давно и прочно купленные люди, способные собрать немалое число воинов. Собрать и... отправить на дело, которое покажется полезным для венедов.

А что такого? Убить двух христианских правителей, и вот с новой силой разгоревшаяся война поневоле притянет к себе внимание и других стран. Такое возможно? На самом деле, маловероятно, но для темных дикарей сойдет. Кто будет ожидать знания политики от венедов? Вот вдохновителей искать могут. И несомненно будут!

Кого найдут? Так подозрения первым делом падут на маркграфов, выполняющих волю уже своего повелителя, императора Оттона III. Того самого, с кем Русь в последнее время слишком активно торгует, давая купцам Священной Римской империи право выкупать свои уникальные товары вроде дешевой бумаги высокого качества, печатных книг. В том числе и по предварительным заказам. А сейчас еще и

зеркала... Вот-вот этот новый и очень дорогой товар пойдет на рынки сначала Римской империи, а оттуда... Нет, с этим тоже надо было заканчивать.

Пусть выживший Хальфдан подозревает в случившемся Оттона III. Пусть болгары и византийцы продолжают войну друг с другом и одновременно волками смотрят в сторону Руси. Или не смотрят, но считают ее правителя неспособным выполнять ВСЕ даваемые обещания. Что до князя Венгрии, то и у него есть своя роль. И внушить полезность этой роли должен именно брат-епископ.

– Ты, брат Бруно, должен будешь донести до Гезы, что ему выгодно пропустить отряды наемников через свои земли. Во-первых, он получит золото. Не от Рима, а от тебя лично. Ты же скажешь, что столь милые его глазу желтые монеты пришли издалека, от тех, кому выгодна смерть Самуила и Василия. И кроме золота есть чем Гезу заинтересовать.

– Чем же? Ему не нужна война. Опасная война...

– Но если в результате сильно ослабнет Болгария, то он не откажется откусить от нее кусок. Или если разъяренный Хальфдан нащупает нити, ведущие к германским маркграфам. Ложные, но от того не менее значимые. А ведь князь Геза уже захватил Нижнюю Австрию. Его положение там шаткое, но если у Оттона Третьего возникнут новые сложности, то...

– Этого достаточно, брат, – склонил голову епископ, поняв замысел. – Теперь, вооруженный вашими мудрыми сло-

вами, я смогу внушить князю, что он выиграет в любом случае. Надо лишь закрыть глаза, а потом напротив, открыть их и пристально смотреть за соседями. Остается лишь время. Его нужно много, ведь путь до северных марок не близок.

– Там уже действуют верные слуги церкви. Нужен лишь знак, чтобы собранные отряды выступили в путь. Я могу быть уверен, что Геза тебя послушает?

– Он послушает. Но пока не получит золото, наемники не смогут пройти по венгерским землям.

– Золото будет. Скоро. Много.

Аббат Ключийский был доволен. Золото для верных слуг Святого Престола – ничто. Его количество постоянно пополняется. Доходы от собственно папских земель, они же Патримониум Святого Петра, занимающий немалую часть италийских территорий, с монастырей и многочисленных храмов. Пожертвования от простых прихожан и от тех, что более значимы. Денег хватало, надо было лишь верно их использовать. К счастью, нынешний Папа хоть и много тратил на собственные увеселения и нужды родственников, но знал меру. Понимал, что расширение собственной власти без использования «золотого тельца» куда сложнее, чем с ним.

А в германских марках действительно должно быть все готово. Наемники из числа венецианских язычников, причем тех, что поглупее. Умные тут были не нужны, более того, откровенно опасны. К ним прибавлены всякие бродяги без роду и племени, готовые воевать за любого, кто платит. Никаких

крупных, сплоченных отрядов – опять же из-за опасности. У весомых лидеров чутье на опасность – дай бог любому хищному зверю. Почти наверняка почувют, что идут как смертники, чье выживание не предусмотрено.

Да, даже в случае полного успеха большая часть наемников должна умереть. Пусть в живых остаются лишь те, кого, возможно, захватят в плен, да настоящие руководители этого похода. Без них все же не обойтись. Кто-то должен придать направляющее движение наспех собранной толпе, руководить во время боя, не дать совершить любую из великого множества ошибок, что свойственны войску без опытных предводителей.

Ренегаты для одних, свежее обращенные прозелиты для Рима. Проще говоря – бывшие язычники из числа славян, чей переход в истинную веру еще не стал известен. Для своих соплеменников они все еще оставались приверженцами прежних богов, хотя к новой вере относились... спокойно, без злости, как к естественной части мира. Для всех. На самом же деле они теперь были накрепко связаны с Римом, без возможности отступить. Долговые расписки у одних, доносы на бывших единоверцев у других. Да мало ли надежных и крепких пут существует на свете! Главное, что преданность была искренней, без тени сомнений. А методы, которыми ее получили... Цель всегда оправдывала средства.

Оставалось лишь оповестить их. Одно слово, и гонцы поскачут отсюда, из столицы Венгрии, в северные маркграф-

ства. Поскачут быстро, не щадя ни себя, ни тем более лошадей. После же получения приказов с места стронутся и эти «ручные варвары» под предводительством верных рабов Божьих, скрывающих до поры свою истинную суть. Их путь будет лежать через земли Священной Римской империи, а затем по землям Венгрии. Если будет нужно, где-то там они и замрут на некоторое время. Затаятся, не привлекая к себе лишнего внимания, да и доверенные люди князя Гезы Арпада в том помогут. Ну и получив, наконец, точные вести о прибытии всех сторон переговоров в Переяславец, обрушатся на этот ничем не примечательный город со всей яростью. И да поможет им в этом Господь... Аббат Майоль Клунийский накрепко вцепился в свои четки, обращаясь к Богу с беззвучной молитвой. Он готов был отдать весь оставшийся ему срок в тварном мире, лишь бы затея Папы Иоанна XV удалась.

Глава 5

Июнь (кресень), 989 год. Причерноморье

Давненько мне не приходилось путешествовать хоть и с войском, но не на войну и не с войны. Пусть под моим флагом сейчас два десятка драккаров, причем не из числа малых, но вся эта немалая по любым меркам сила предназначена не для войны. Напротив – должна содействовать миру.

Бредово звучит? Как сказать. Ведь наличие в руке призывающего к миру хар-рошей такой, мощной и всех достающей дубины – неплохой мотиватор быстро и надежно помириться. Или уж по крайней мере предотвратить вероятность того, что договаривающиеся стороны вцепятся друг другу в глотки прямо на месте переговоров. Зная тех же ромеев, этого нельзя было исключать. Но лишь в том случае, если бы они были уверены в безнаказанности подобного действия.

Вот потому и плывут по морю двадцать драккаров, не просто вооруженных по последнему слову русской военной мысли, но и заполненных матерыми вояками, готовыми устроить качественную резню по первому слову своего князя. Как на суше, так и на море.

Понимая, что на меня лягут все дипломатические проблемы и на управление пятью сотнями отборных живорезов возможностей просто не хватит, пришлось заблаговременно назначить того, кто будет этим заниматься. На первый взгляд

могло показаться, что выбор велик, но на деле... Не мудрствуя лукаво припахать на это дело одного из тысячников? Естественный шаг, но не самый лучший. Управление тысячей в составе войска и управление всем войском – вещи не то что немного, они совсем разные. И пусть те самые тысячники вроде Данислава, Свенельда и прочих неплохие военачальники, но неплохие не значит лучшие. Мне же были нужны именно последние. Что поделать, не люблю подвергать себя опасностям большим, чем то необходимо. Решение оказалось простым – прихватить в качестве командира Ратмира Карнаухого.

Бывший вольный ярл, потенциальный правитель чего-то вроде полуассального княжества, да и просто весьма ценный элемент в выстраиваемойся управленческой машине Руси был ничуть не огорчен назначением. Более того, сам хотел как следует «повращаться в кругах» сильных мира сего. Дельный подход, этого не отнять.

Помимо же Ратмира из ближнего круга были лишь Эйрик, как лучший без всяких сомнений флотоводец, да Магнус. Остальных сдергивать с места не имелось ни малейшего смысла. Более того, их привлечение в сию поездку оказалось бы вредным. Нет уж, следить и контролировать происходящее на Руси и вокруг нужно тщательно, а главное беспрерывно. Дальние же вояжи тому не сильно помогают.

А ветерок-то неплохой, свежий и не слишком сильный. Правда, не совсем попутный, но теперь это невеликая про-

блема для русских кораблей. А ответ один – косо́й парус. Ага, тот самый, который позволяет кораблям двигаться очень даже круто по отношению к ветру. Преимущество при погоне за кем-то, при удирании от кого-то, а заодно возможность использовать не только попутный ветер с довольно большой эффективностью. Правда есть и недостаток – при смене галса, или по-простому направления движения, много возни и хлопот. Но право слово, оно того стоит! Я слегка улыбнулся, смотря на очередное нововведение родом из будущего. За этим занятием меня и застал Эйрик.

– Не думал я, Мрачный, что ты и до моих драккаров со своими диковинными придумками доберешься, – покачал головой Петля, все еще не могущий привыкнуть к нововведению.

– Постой, Эйрик, а как же метатели «греческого огня»?

– Это оружие на драккаре, а не неотъемлемая часть пенителя морей, – отрезал побратим, но тут же сменил тему неожиданным для меня образом. – А чем еще порадуешь старого Эйрика?

– Ну какой же ты старик? Люди и до сотни лет дожить могут, есть тому примеры...

Тот лишь невесело улыбнулся, глядя куда-то вдаль, но в то же время и в никуда.

– Куда старше тебя, Хальфдан. А потому порой вижу мир по-иному, чем ты и другие наши братья. Слишком много перемен, скоро успевать за ними не смогу. Ищи мне замену,

ярд.

– Не дожدهсья. Так просто от забот и хлопот тебе не спрятаться, – подмигнул я с чего-то затосковавшему Эйрику, пытаясь вывести его из минорного состояния души. – Лучше послушай, какие знатные подарочки нашим врагам я задумал устроить через несколько лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.